

A woman with dark hair, wearing a light blue headscarf and a patterned shawl, is shown in profile, looking out towards the ocean. The background is a soft-focus view of the sea under a pale sky. The overall mood is contemplative and serene.

Елена Гуйда

Мамы
Год Седой Крысы

Каково оно колдовкой таххарийской уродиться? Да еще в Алларии. Да в Год Седой Крысы? Кому как, а Кристиане тугο. И не потому, что соседи косятся. Не потому, что Храмовники покоя не дают. И даже не потому, что помочь да рассказать о даре ее некому. А потому, что дар этот ноша тяжкая. Поди смирись с тем, что жизнь да судьбу чужую видишь. Что путь каждого для нее не тайна. Легко думаете?

Небольшой роман, навеянный морозной ночью и высокой температурой.

Тиана. Год Седой крысы

Год седой крысы люди знающие называют годом мора и голода, бед всяких да кар божественных. И она послушно претворяет в жизнь все затаенные страхи человечества. В Год Седой Крысы, который, как известно, бывает раз в пятнадцать лет, в мир выходят и голод, и болезни, и войны. Смерть ходит по улицам, как деревень, так и городов, собирая знатный урожай человеческих душ. Нет хуже проклятия, чем родится в Год Седой Крысы. Но хуже может быть только остаться после этого в живых. Ведь тот, кто отмечен ее знаком, считается проклятым или приносящим беду. Потому от таких детей спешат избавиться, как можно скорее.

Моя мать, Девена, наверное, не знала, что я, рожденная в Год Седой Крысы, приношу одни беды. Потому едва оправилась от родов, потащила маленькую меня просить благословения богов, для дочки. И не успела переступить порог святилища, как средних лет и тучного телосложения жрец, тут же стал уговаривать ее отдать ребенка в жертву богам. Мол, и так ей нет места среди людей, уже отмечена смертью, родившись в крысиный год. Не знаю, о чем думала моя мать, когда бросив горсть серебра в чашу для подношения, развернулась и ушла, меня к груди прижимая, так ни разу и не оглянувшись.

Было ли это ошибкой. Кто-то скажет, что нельзя ссориться с богами. Кто-то осудит за самоуправство и не желание прислушаться к людям сведущим. Кто-то посмеется и над теми и над теми. А кому-то будет не до смеха.

Как матери, когда поутру она застала во дворе давешнего храмовника, что окуривал дом со всех сторон вонючим ладаном, призывая богов очистить этот очаг нечисти и блуда.

Моя мать никогда не позволяла людям порочить ее доброе имя, оставшееся от погибшего на войне отца и свалившегося от лихорадки деда. Наверное, потому, что больше то и наследства не было. Даже присущей всем алларийкам красоты ей не досталось. Была она не высока ростом, коренаста, да еще и ряба ко всему прочему. Всей красоты одни глаза огромные, цвета тучи грозовой. Но и такого приданного хватило, чтобы выйти замуж за, пусть и не молодого, но доброго и крепкого, таххарийского воина Смэта. И пусть он был простым солдатом. Звезд с неба она хватать не собиралась. Правда, шептались, что на деле он страшный колдун. Но разве такие мелочи могут остановить влюбленную женщину. Да и он тоже в молодой жене души не чаял. Но вскоре все изменилось, а виной тому Год Седой Крысы.

Война между Алларией и Таххарией настигла мою мать аккурат с вестью местной повитухи о том, что та ждет ребенка. Не знаю, смогла ли она порадоваться будущему ребенку, провожая отца на войну, да еще и во вражескую, по сути, армию. Отец же пообещав, что как только все уляжется, обязательно ее найдет, велел бежать куда подальше. А лучше туда, куда доблестные таххарийские воины точно не доберутся. Вот и бежала молодая тогда Девена куда подальше на запад. И уже спустя два месяца осела в городке на границе Алларии и Денмарка, под звучным названием Дубны, маленького и с духом больше подходящим большой деревне. На деньги отцом оставленные купила домик небольшой, на ремесленной улице, и приготовилась там коротать время до отцовского возвращения. И как раз когда она распаковывала последнюю сумку с немногочисленными пожитками, ее дом посетил отцовский вестник, которых он присылал раз в два-три дня. Написан он был чужой

рукой, а говорилось там, что в бою под Лейвером отец был тяжело ранен и ныне утром отправился на суд к богам.

С этой черной вести и началась жизнь на новом месте. Как истинная жена и дочь воина, моя мать не стала опускать рук и придаваться отчаянью. Быстро нашла себе работу и стала известной на все Дубны, и не только, вышивальщицей. Злобная Крыса город своим вниманием обошла, а потому быт налаживался, я росла в утробе и вместе с первыми осенними заморозками порадовала этот мир криком.

Не знаю, что подумал храмовник, когда мать со скалкой в руке и видом бешеного вельва вылетела во двор. Тем более не ведомо, о чем он думал, осыпая проклятьями и ее и весь ее род, лопотал под защиту храма. Но в покое, пусть и на время ее оставил.

— Дочку как хоть назовешь? — спросила соседка Брыська, заваривая успокаивающий чай с мятой, чтобы молоко не перегорело.

— Кристианой назову. — ответила мать, отдышавшись.

— Крысой будет. — постаралась вразумить ее соседка.

На что та только губы поджала и сказала, что то воля ее покойного мужа. А волю мужей, хоть и покойных, положено уважать.

Так и началась моя жизнь, под песнопения храмовых служащих, не оставляющих надежд вразумить мою мать, и косыми взглядами соседей, которые не знали чего ожидать от своевольной вдовы.

Я росла вполне себе нормальным ребенком, с легкой руки той же Брыськи, нареченным Крысой. Можно сказать даже обычным. Легко сходилась с соседскими детьми. И научилась не обращать внимания на храмовников, которые при виде меня осеняли себя и меня за одно, защищающим от злого ока знаком. По правде, для меня они стали столь же обыденным явлением, как курица, гребущаяся в куче навоза. А потому была я ребенком счастливым, материнскими заботами, сытым и одетым, да окруженным ее же, матери, любовью.

Все изменилось в год Стального Ястреба.

Год Стального Ястреба, как известно, это год охоты. И не только за дичью по лесам гонялись молодые охотники, призывая в помощь, как богов, так и самого ястреба. Но и пора эта страшно благоприятная на свадьбы. От того в каждом доме, где были девицы на выданье или парни, готовые взвалить на плечи бремя семейной жизни, жизнь холостяцкая доживала свои последние дни и умирала в страшных муках. Особенно у мужской половины города. Пока девицы спешно шили свадебные наряды и дары мужу, свекрови, свекру, сестрам и братьям будущего мужа, храмовникам... в общем всем, кто в любой момент мог ослабить на все Дубны молодую жену, будущие мужья топили последние дни свободы в чарках с самогоном.

Мне было пять, когда всеобщее безумие навадалось и в наш дом вместе с Дайко, местным кузнечных дел мастером. Человеком огромным настолько, что ни доброта его, ни вполне себе мирные намеренья, не смогли развеять мой перед ним страх. А потому хоть и была я ребенком не пугливым, но кузницу обходила по большой дуге, через соседскую улицу. И встретив по дороге Дайко, спешила убратся поскорее, не всегда и поздоровавшись.

— Здрава будь, Девена! — пробасил Дайко, переступая порог нашего дома.

— И ты милостью богов, будь здоров и полон сил, — отозвалась мать, оставляя привычное дело на пяльцах и поднимаясь, встречая нежданного гостя. — С чем в дом мой пожаловал?

Был он чернявый, мелкими кудряшками волос покрученный, бритый чисто, с крупным носом и огромными руками. Силы в них было не мало. То я поняла, когда на спор с Вэйко пробралась в кузницу, подглядеть за тем, как из куска ни на что непохожей руды рождается нож, острый да замысловатый, али подсвечник витой тонкий. Тогда и увидела молот, размером с меня, которым Дайко орудовал, как мать веником, легко и методично. Как же мы лопотали тогда из кузницы, на пару с Вэйко, сверкая пятками в которых сердце место себе нашло, когда кузнец обернулся и грозно спросил, чего надобно сорванцам. Может, конечно, и не грозно, но убедить нас в обратном уже никто не мог. И увидевши его на пороге своего дома, я уже подумала, что то явился сам страшный Вильх из своего подземного узилища по мою душу.

— Ты это... Может тебе мужская помощь где нужна? Вон и забор порушился и крыша совсем прохудилась, — спросил Дайко, старательно комкая меховую шапку огромными ручищами.

— Так, по весне думала мастеров нанять, — растерянно сказала мать.

— Зачем тебе деньги тратить? Ты ж вдова давно уже, самой сложно, да еще и с дитем-то. А мне и в радость.

— Ну, если не сложно... — протянула мать, странно глядя на Дайко.

С тех пор огромный кузнец приходил чуть не каждый день. Починил и забор и крышу. Его стараниями появились в доме новый стол и несколько табуреток. Да и дело он свое знал. О том говорили и подсвечники кованые, литые оловянные ложки и вилки, которые в нашем доме появлялись с его легкой руки. И все то было не абы как сделано, а с выдувкой. Украшено плетениями тонкими, цветочками и лозой железной.

— Ох, Крыска, пойдет твоя мамка за кузнеца замуж, — сказал мне Вэйко, в начале

зимы, когда мы лепили снеговика. — Тебя на улицу вышвырнет, али храмовникам отдаст.

— Не, мать моя меня любит и ни за что не променяет на этого... — мотнула я головой в сторону кузницы, прилаживая нос морковку.

— Мелкая ты еще. Ничего в жизни не смыслишь, — вздохнул Вэйко.

— Ты мамку мою плохо знаешь, — окрысилась я и побежала домой.

С того дня я еще больше злилась, когда Дайко приходил в наш дом. Особенно когда засиживался надолго. Да с матерью дотемна разговоры говорил. Я же от злости то подсвечник перекину, то кружку глиняную на пол сброшу. Не хотела видеть кузнеца в доме своем и все тут.

И не изменили моего о нем мнения ни ярмарочные сахарные петушки на палочке, страшно вкусные, ни деревянная лошадка, собственноручно им сделанная и подаренная на праздник поворота зимы.

Зато мать моя будто расцветала и оживала рядом с кузнецом. Краснела, глаза прятала.

По весне вместе с первыми птицами Дайко пришел к нам с самого утра. Как сейчас помню его в новой расшитой цветными обережными узорами рубаху, жилетку овчинную, штаны новые, на последней ярмарке купленные, и красные праздничные сапоги. Мать моя тогда сразу смекнула к чему дело, да охнув так на лавку и села. Надо мной же, как темные тучи сгустились, предчувствуя скорую беду.

— Ты это, Девена, хватит тебе во вдовьем платке ходить, — начал Дайко, привычно краснея и комкая шапку. — Иди в мой дом хозяйкой. Будешь в добре да достатке. Женой тебя назову, а Крыску твою дочкой. Меня ты знаешь. Обижать не стану.

Мать молчала. Долго так молчала. А я, представив, что ждет меня, по словам Вэйко, без чувств свалилась где стояла.

Потом мать говорила, что за те три дня, что я провалялась в горячке, перед ее глазами вся жизнь пролетела. За те три дня, мои черные, как смоль, волосы поседели, а глаза из карих стали ртутного серого цвета. Дайко, чувствуя вину за собой, или действительно потому, что человеком был хорошим и сострадательным, поднял на уши все Дубны. Привез лекарей, которые сказали, что для детей моего племени, это естественные изменения, только в силу стресса слишком ранние. Выписали успокоительный отвар матери и велели за мной наблюдать, потому, как изменения не окончательные и с каждым годом будет их еще больше.

Я же действительно изменилась и не только цветом волос и глаз. По-другому виделся мне уже и Дайко, отчаянно в мать влюбленный и ко мне всем сердцем прикипевший, и мать, несчастная в своем одиночестве.

— Не пойду я за Дайко, — сказала мать, заплетая в косу мои белые, как молоко, волосы. — Раз ты так его боишься...

— Ходи, — сказала я, не дожидаясь пока она закончит. — Любит тебя он. И зря я его боялась так.

Мать же, удивленно хлопая глазами, спросила откуда то мне известно. На что я только пожала плечами и сказала, что сама не знаю, просто так мне кажется.

Счастливый же от материного согласия Дайко, осыпал меня подарками с ног до головы. И игрушками и платьями новыми и пряниками и леденцами. Да и матери и обновок осталось немало и украшений, среди которых были и серьги серебряные с бирюзой, и ожерелье, которое, как Брыська говорила, и царевна не погнушалась бы одеть. Мать смеялась и говорила, что не в безделушках этих счастье женское. На что Брыська только

фыркала и отповедала, что ничего мать моя в том не смыслит.

Портило наше счастье же снова зачистившие в наш двор храмовники. И снова по мою душу. Мол, знак то свыше, что девчушка поседела раньше срока, став не просто Крысой, а самой настоящей Седой Крысой. Мол, принесет она беды не только в наш дом, а и во весь город. Мать привычно грозила скалкой и выталкивала их со двора. Но на следующий день они возвращались вместе с курениями своими вонючими и грозными речами. И продолжалось то почти неделю, пока не вступился за нас, вернувшийся из соседнего города, Дайко. И пригрозил он ни много ни мало тем, что на храм и медяка больше не даст, не то что больше не получают они ни новых литых чаш для подношений, ни золоченых рамок для образов.

После того храмовники притихли, но посеянная меж людей смута покоя нам не давала. Заговорили о том, что мать кузнеца причаровала и никак не иначе, как на крови Седой Крысы. Да заговорили о том, что дочь ее колдовкой уродилась. Правда, говорили то тихо, дабы на кузнецов гнев не нарваться. Мужик то он спокойный, добрый да кто ж его причарованого поймет-то.

Дайко только посмеивался над людской молвой и велел дурным голову не забивать, когда мать просила подумать еще раз, перед тем как в храм ее вести.

И чтоб в голову ее женскую глупости всякие не лезли, к концу весны таки повел ее просить благословения богов. Храмовники не артачились долго, помня угрозу кузнеца и обряд провели хоть и нехотя, но по всем правилам, не забыв притом напомнить о том, что за то Дайко не мешало бы подношение в храм принести. И новые подсвечники перед ликами богов были бы весьма кстати.

Кузнец же видно решил, что заедаться с храмом не стоит, и уже за неделю в Храме были новые серебряные подсвечники искусной работы.

Мы же с мамкой перебрались в дом Дайко.

Поначалу он показался мне огромным, по сравнению с той конурой, в которой мы жили до этого. Все здесь было сделано под огромного Дайко. Массивный стол, до которого я доставала, только когда мать подкладывала две подушки на табуретку. Кровати такие, что и заблудится можно. Лавки, что мелкой мне приходилось подпрыгивать, чтобы забраться на них. Но те неудобства кузнец исправил быстро. Даже сделал для меня отдельный высокий стул, на которой я себя чувствовала, как княжна.

И все было ладно в этом доме. Лето прошло славно и добро. У матери и Дайко ладились дела и ни в чем нужды мы не знали.

К исходу осени мать располнела, а весной в Год Золотой Коровы, на свет появился Малько, мой младший брат.

— Все, Крыска, теперь точно тебя из дому выгонят, — заявлял Вэйко, будто то только несмышленишу не ведомо было. — Там где ребенок общий есть чужим рады не будут.

И поверить бы мне на целых четыре года старшему Вэйко, да твердая уверенность в том, что от появления Малько в нашем доме ничего сильно не изменится, заставляла повзрослому вздохнуть и говорить, что глупости он говорит.

— Это ты Крыска ничего в жизни не смыслит. Разве не знаешь, что Лидко уже третий год в сарае живет, после того, как мать его второй раз замуж вышла за Рахто и родила ему ребенка?

О том, что Лидко из дома выставили чуть не сразу после свадьбы, знал весь город. Да только то и не удивительно. Рахто не доброго нрава мужик был. Часто в чарку заглядывал, а

потом и жену поколачивал, чтоб место свое знала и мужу на глаза лишний раз не казалась, когда не просят. Потому, когда добросердечные соседи говорили ей, что муж ейный опять в корчме засел с самого утра, бросала работу, хватала детей и бежала то к Брыське, то к нам.

— Видно будет. — сказала я, сравнивая красноногого щуплого Рахто и огромного, как медведь, доброго Дайко.

Но, как и подсказывало чутье, толи в крови моей обитавшее, толи в седых, как у старухи, волосах, быт в нашем доме не сильно изменился. Добавилось хлопот только с вечно орущим Малько, да улыбаться Дайко и мать стали еще чаще. От меня же они не отказывались, а Дайко старался всегда делить нас с братом поровну. Принесет с ярмарки погремушку звенящую для Малько, а для меня тут же вынимает расписанную куклу в красивых платьях.

Так прошел год Золотой Коровы, который, как каждому ведомо приносит и счастье в дом и достаток. Малько рос сильным и здоровым. И то, что поначалу был похож на синее печеное яблоко, вскоре изменилось. С каждым днем он все больше походил на Дайко, что того сильно умиляло.

А за ним прошли спокойно и год Синего Феникса, и год Огненной Вороны.

А вот в год Черного Пса со мной снова случилось неладное.

Сталось то аккурат в самую темную и холодную ночь в году. Я как раз постигала все тайны вышивания, старательно лежа стежки на ткань, как учила меня мать. Рисунок не получался таким, как я его задумала, и вместо черного ястреба на ткани то и дело проступали черты, присущие воронам. А потому я, рассердившись, бросила маленькие пальцы на стол и уставилась в темноту за окном.

— Что не так? — спросила мать, отрываясь от своего занятия.

— Не знаю, мам. Неладно что-то, будто черный кто ходит по улицам.

Мать осенила меня защитным знаком от темного колдовства да злых духов оберегающим.

— Не поминай зла против ночи, дочка. И вообще спать иди.

Я же отмахнувшись от, все нарастающей тревоги, подхватила на руки Малько, за эти годы ставшего почти богатырем, и пошла в нашу с ним комнату.

И даже напевая колыбельную брату, не могла унять щемящее чувство в груди, предвещающей скорую беду. И потому едва Малько ровно засопел в своей кровати, поднялась тихо, накинула на плечи тулуп и вышла во двор, вглядываясь в темноту.

В эту ночь редко кто выходит на улицу, предпочитая спрятаться от выходящего на охоту Черного Пса у печного огня, да в кругу семьи. Вот и сейчас на улицах было так тихо, что тишина эта казалась зловещей. Не может такого быть в городе, полном людей. Хоть собака бы залаяла, или послышался говор, окликающего ее хозяина. Но нет же. Тихо, аж звенит эта тишина в ушах.

Так простояла я какое-то время, пока не решила, что тревога моя глупости надуманные. И только собиралась вернуться назад, как услышала вой, от которого и кровь в жилах застыла. А за ним и крик.

Не знаю, что меня подбило против ночи в одних домашних тапках да кожухе на тонкую рубашу побежать по улицам Дубнов. Так и добежала до дома Рахто. Тот, не изменяя себе, даже в эту ночь был вусмерть пьян, но перед тем не забыл выставить за порог Лидко. Вот и увидела я его стоящим во дворе с палкой, напротив огромного черного пса.

Пес тот был бы обычным, наверное, если бы не красные, горящие угольями глаза, да видные даже в темноте, белые клыки длиной с палец Дайко, в ощеринной пасти.

— Вон пошел! — крикнула я, перелезая через забор. — Слышишь меня? Пошел вон!

Палки на пример Лидко мне не попало, а потому я просто махала руками, как ветряная мельница, да наступала на, похожего на телка полугодовалого, пса. От наглости моей, видно человеческому роду не свойственной, Черный пес онемел и сел, склонив голову на бок да вывалив язык, как обычная собака.

— Не слышал меня что ли? — не унималась я, ступая по двору неспешно, но уверенно, намереваясь прикрыть Лидко. — Иди, не будет тебе здесь ничего. Не позволю я.

И послышалось мне, что к моим словам писк крысиный добавлялся. Словно с голосом мешался, сплетался. Даже онемела на миг, оглянувшись, где ж она взяться-то могла.

Пес же фыркнул, показывая, что своим поведением, только насмешила его, но поднялся и пошел прочь, оглянувшись только один раз.

И когда темнота спрятала от нас его силуэт совсем, на меня навалилась страшная усталость. Я так и свалилась под ноги Лидко.

— Ты потерпи, Крыска, — доносился его голос до меня словно через толщу воды. — Сейчас до дома тебя донесу. Потерпи только.

Дальше все слилось в разноцветный хоровод. И мать, голосающая, и смурной Дайко, и хныкающий Малько. Даже Лидко, бледный, словно его у смерти забрали и с таким виноватым лицом, что мне его даже пожалеть захотелось. И темноте, которая меня накрывала, я только рада была. Но и в той темноте покоя не было. Все казалось, что смотрят на меня два красных глаза. А временами и не два, а и того больше, со всех сторон они меня окружали. Да пищит где-то злобная Крыса.

— Совсем с ума сбрендила, — ворчала мать, утирая мое липкое от пота лицо и отхлебывая успокоительный отвар, прописанный лекарем, которого притащил Дайко. — Чего понесло-то тебя, на ночь глядя?

— Повело, — ответила я, не особо понимая, что ж это со мной и вправду было.

— Повело ее, — угрюмо сказала мать моя. — Лекарь говорит, что виной тому дар отца твоего, таххарийского колдуна. И что из тебя колдовка вырастет.

— И что?

— И ничего. Если будешь так по ночам по улицам шастать, то из тебя ничего не вырастет.

Я лишь на то промолчала. Может, так оно и было. Одно хорошо, хоть чего-то осталось от него мне, кроме имени да рода, которое мать старалась лишней раз не поминать при алларийцах.

Как бы то ни было, уже через неделю я была снова на ногах. Правда, новое проявление моего дара, оставило отметины и на теле. Кожа посерела, а от детской округлости осталось только воспоминания. В общем, стала я похожа на покойника, да еще и хорошо высушенного.

Мать на то вздыхала, Дайко кормил с удвоенным рвением, но в прок мне то не шло.

Храмовники же зачастили теперь не только в наш двор размахивать кадилами, призывая одуматься и отдать ту, что и так смертью помечена, а и во двор Рахто. И, наверное, уступил бы он пащерка, да только толи наученная опытом моей матери была Ливка, толи устала от пьяного вечно злого мужа, отказала она храмовникам. А на следующий день собрала вещи, детей и ушла со двора. Как то дальше было, я не знаю. Знаю только, что мать, видя ее нужду, отдала свой старый дом ей и детям, сказав, что счастливый он, жалко если пустым рассыплется. Ливка благодарила же и плакала. А Лидко, только я встала с постели, стал чуть не моей тенью.

— Ты мне жизнь тогда спасла, Крыска, — говорил он, когда я начинала злиться, что по пятам за мной ходит. — должен я теперь тебе. А долг оплачивать нужно.

Так и оплачивал. То от мальчишек защищая, то воду помогал от колодца принести, то сказки рассказывал.

Ливка булки начала печь, да продавать на ярмарке каждую субботу. И споро у нее дело пошло. Хватало и ей и детям, а Рахто только на пену исходил, видя, что не собирается жена нерадивая проситься назад.

У нас же в доме теперь были сдобные сладкие булки с маком и медом, которые Лидко таскал чуть не каждый день. Больше все ему теперь радовался Малько. А стоило соседу порог переступить, тянул руки и громко орал «Дай сяденького!». Что это такого нужно было ему дать, в нашем доме догадались не сразу, а вот Лидко безошибочно разгадал, чего от него просят, и вынимал из-за пазухи сладкий медовый пряник. А еще часто из дерева поделки приносил. Медведя, вырезанного, как живого, да темненного ореховым отваром, то коня вороного, то сокола. Малько же пищал от восторга, принимая такие подарки.

— Ты бы вынес на ярмарку свои поделки, — сказал ему Дайко. — Глядишь и матери помощь бы была.

— Та ну. Кому они нужны-то? — отмахнулся тогда Лидко, от слов кузнеца.

— Ты не скажи, Лидко, на всякий товар покупатель найдется.

В субботу же на ярмарке, Лидковы поделки разобрали в очередь, да еще и чуть не подрались за них. И только обещание, что на следующую ярмарку еще принесет, остудила пыл обделенных покупателей. А уже скоро к мелким поделкам, добавились и стулья с резными ножками и спинками. Тумбы и сундуки с вырезанными на них узорами до того красивыми, что казалось, моргни и оживет и бабочка, притаившаяся на лепестке цветочном, и воробей на гроздьях калины. Дело его пошло споро. А скоро, не смотря на молодость его, уже не только местные заказывали ему работу, а и приезжие спешили в Дубны, чтобы повидаться с мастером Лидко. И дом расстроил, что от матери моей достался. Ливка однажды денег приходила предложить за него. Да Дайко сказал, что с голоду поди не мрем, чтобы с нее деньги брать. А коли хорошо живется им в том доме, то и нам в радость. На том и порешили. А хлеба и булок стало в доме больше.

Случилось все на исходе Года Зеленой Гадюки и после года ненавистой Седой Крысы. Крыса в тот год не зверствовала очень, да только люди говорили, что то еще хуже, чем если бы собрала она свою жатву обычную. По стране, где засухой урожай побило, где залило. Дубны же сия участь минула. Казалось, что забыла она о маленьком городке на западе Алларии.

Мне же шестнадцать сровнялось.

Ливко уже в дом наш ходить начал, почти как к себе. Мать моя ворчала, да не гнала, видя, что собакой побитой на нее глядит. Но и решения своего менять не спешила.

— Ты, Девена, можешь на меня злиться, но смотреть на них больше сил нет, — сказал тогда Дайко матери в середине осени. — Так что не мотай им душу.

Мать тогда устало на табуретку села, расставила тарелки с кашей на столе, да только нам с Лидко кусок в горло не лез. Ждали, что мать скажет на то.

Она же вздохнула, посмотрела мне в глаза, словно по ртути в них гадать смогла бы и махнула рукой:

— Делайте что хотите.

Я даже не сразу и поверила, что так мать добро на нашу свадьбу дала. Ливко же от радости подскочил, обнимал и мать, и Дайко, и Малько. Ну и меня.

Особенно крепко обнимал, когда на порог его проводить вышла.

— Наконец дождался, — шептал он мне, к груди прижимая. — Завтра же в храм пойдем.

— Люди дурное подумают, — попыталась возразить я. — Может, не будем спешить так?

— Плевать мне на них, — ответил Лидко. — Или может, передумала?

Я на то головой мотнула.

— Куда я от тебя?

После того, как он домой ушел, я же всю ночь глаз сомкнуть не могла. Все мне казалось, что беда на мой порог ступила. И от щемящего чувства того в груди, даже дышать тяжело становилось, того и гляди задохнусь. От того и просидела я в темноту за окном вглядываясь. И чудилось мне, что по улицам Седая Крыса ходит, да пищит так злорадно, будто ведомо ей больше, чем мне глупой. Раз даже показалось, что смотрит на меня из темноты своими глазками-бусинками, ртутью налитыми. Да от того взгляда дурно становилось. И только когда солнце на востоке забрезжило, смогла хоть ненадолго забыться.

Вот поутру и встала я серее обычного, да еще и с красными уставшими глазами. И слабость такая в теле была, что от свадьбы долгожданной никакой радости не чувствовалось.

Мать, меня в наряд невесты одевая, все поглядывала тревожно. Но не спрашивала ничего. Может, ждала, что сама скажу, может потому, что углядела в том обычную для невесты тревогу.

К храму я шла через весь город на деревянных ногах, да за руку жениха вцепившись так, словно кто утащить его мог. Тревога моя с каждым шагом нарастала, дышать не давала. А когда в конце улицы Храм показался, и вовсе ноги подкосились. Захотелось махнуть на все да бежать куда подальше. Но едва на Лидко своего глянула, как собралась, губу закусил и,

стараясь не спотыкаться на каждом шагу, пошла за ним.

Встретил же нас давешний храмовник. За годы он еще больше вширь раздался, да одежды его, по заветам храмовым скромные, стал золотом расшивать. Щеки на стороны свесил, да на хомяка стал походить.

Нас же с Лидко, когда увидел, в глазах его огонь нехороший зажегся. Тогда я и поняла, что меня так тревожило. И уже и не нужно было вслушиваться в его речь, в которой он важно говорил, что боги меченым благословения никак дать не могут. Потому как грязны мы перед храмом и богами. Лидко тогда побелел весь, кулаки сжал, вот-вот опять в драку полезет.

— Не нужно, — дернула я его за рукав, — только хуже сделаешь.

На площади же стала толпа собираться. Со всех сторон на нас смотрели, да шептались. Казалось, кто-то гнездо змеиное потревожил. И от шелеста этого, мне совсем худо стало. На руке жениха своего повисла, чтоб на потеху всем не свалится.

Дайко тогда здорово с храмовником поругался, тот даже отлучением грозился. Да он только рукой махнул, выходя из храма.

— Сами решите, как дальше быть, — сказал он, в глаза не глядя, а как до меня дошло, о чем он, я и охнула.

— Придумаем что-нибудь, — уверенно сказал Лидко. — В другой храм пойдем, в третий. Все равно на Крыске женюсь.

Дайко же только кивнул, да забравши мать и Малько домой пошел. Мать же мне шепнула, перед тем, что если сердце любит, то никакой ему храм не указ.

Скандал у храма надолго затянулся, потому, когда расходиться люд начал, на город уже сумерки опускались.

Так мы и пошли в дом к Лидко. Мать его с младшим к родственникам пошла. Потому как молодым мешать не следует. И дом нас пустотой встретил и темнотой. Странно как, должна я была хозяйкой в дом войти, в котором родилась. А видно таки на роду мне написано было иначе.

Лидко ж тяжело на лавку опустился, голову рукой подпер, да и застыл так, даже свечи не зажегши. Но даже в темноте видно было, как поникли плечи, слышно как вздыхает тяжело.

Я же тихонько рядышком присела, да руку его в свои взяла.

— Ничего, Крыска, мы что-нибудь придумаем.

— Угу, — не стала я с ним спорить, а сама понимаю, что если придумает, то в дом беду накличет. — Придумаем, конечно.

И решилась. Встала, подошла к нему, близко, да пальцы в волосы запустила, поцеловала крепко. И так целовала, пока не стал дышать тяжело, да обнимать крепче. А потом и вовсе пояс распустила. И как только к ногам моим он упал, Лидко дернулся, будто ударила его.

— Не надо. Не по-людски это, — сказал он, чуть не задыхаясь.

Я на то еще раз угукнула, да стала с него рубашку стягивать.

— Так и я не человек вовсе. Колдовка. А колдовкам и не такое можно, — сказала я, сглотнув ком в горле.

— Глупости говоришь, — зашептал Лидко, обжигая плечи горячим дыханием. — Жена ты моя. Чтобы не говорили.

И на руки подхватил, на кровать уложил. Да только была она для меня, как гвоздями мелкими набита. Хотелось зареветь в голос, но от того я только жарче на поцелуи его отвечала, да обнимала крепче. А когда таки женой меня сделал, всхлипнула, почти

вскрикнула. Но не от боли, что в первый раз бывает, а от того, что увидела, жизнь я Лидкову, одним мигом перед глазами промелькнувшую. И не было в той жизни мне места.

— Больно тебе? Прости, Крыска, — встревожился он.

Больно было. Да болело не тело. Душа болела. Я же, чтобы не спрашивал ничего больше, только к губам его припала, надышаться стараясь. Пусть будущего у нас и не будет, но сейчас-то мой он только.

— Мать твоя злиться будет, — сказал Ливко когда мы, обнявшись в темноте лежали, да дыхание выровнять смогли.

— Будет, — не стала я с ним спорить. — Только не нас с тобой.

— Уедем тогда. На восход подадимся. Там гляди и храм найдем. По закону женой станешь мне. Или вообще в Таххарию.

Я молчала на то. Что было говорить, если знала, что не будет этого. Потому просто прижималась к нему. Запах его вдыхала, запомнить старалась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Нет, Лидко, не поедем мы никуда. Здесь останемся, — сказала я. — Не сбежишь от судьбы.

Так и встретили мы Год Рыжего Кота, вроде и мужем и женой стали, а на деле...

А на деле, хоть и забрал меня Лидко к себе в дом, да перед людьми женой назвал, а Ливка за меня горой вставала, как только кто слово худое скажет, да разве людям рот закроешь? Досталось и мне, и матери моей. Лидко хмурый ходил, да подрался с соседом как-то. Ливка вздыхала только, да говорила, что образуется все со временем.

— Легко тебе мать говорить. Они ж жену мою любимую, колдовкой, да гулящей зовут, — вздыхал Лидко. — А как дети пойдут? Тогда что?

Что на то было говорить? Я его по голове гладила, зная, что уже не долго нам с ним мучиться.

А случилось это летом того же Года Рыжего Кота. В городок наш маленький приехал воевода Савхар, который по праву землями этими владел. Получил он их еще в первую войну с Таххарией, которая была еще когда моя мать под стол пешком ходила. Но толи не было ему до земель этих толи дела, толи нужды, но до этого его в Дубнах ни разу и не видели.

Был он не стар, но уже и не молод. С носом крупным, да окладистой бородой, сединой побитой, да синими глазами внимательными. Люд же когда увидел его, с отрядом в город въехавшего, из домов повысыпал, не зная чего и ждать. Управляющий, которого в городе за хозяйственность любили, встретил его, в пояс поклонился, да в дом свой пригласил.

Лидко ж мой, как с цепи сорвался. По дому метался, волосы ероша, а потом и вовсе выскочил и на площадь побежал. Я его только тоскливым взглядом провела.

— Беда будет, — всхлипнула Ливка от печи.

— Нет, мам, не будет беды, — успокоила я ее.

Она уже привыкла к тому, что если я что говорю, то так оно и будет. И понимала, что не зря меня колдовкой звать стали. А потому притихла, да только вздыхала тяжело. Я же волосы свои седые переплела, новый платок повязала, да пошла вслед за Лидко.

И застала я его на площади вместе с воеводой. Да втолковывал ему что-то. Тот же хмурился, да бороду потирал.

— Дак где ж жена твоя, — спросил он громким голосом, привычным приказу на поле боя отдавать.

— Здесь я. — ступила я ближе, мужа за руку взяла.

Савхар же в меня глазами впился, будто диво какое увидел. Потом же, когда люди гомонить начали, руку вскинул, к молчанию призывая.

— Неужто и, правда, колдовка таххарийская?

Я на то только руками развела.

— Люди так называют.

— А сама силу чувствуешь?

Я помедлила немного и кивнула.

— И в чем же дар твой? — спросил он, усмехаясь. А у самого глаза внимательные, настороженные. Словно видит ими меня насквозь.

— А дар мой такой, что знаю, почему ты приехал сюда, воевода Савхар. Человек ты хороший, справедливо править будешь, службу при князе оставивши. Да только здесь ты не для того чтобы нужды и беды людские слушать. Ты дочку младшую замуж отдать собрался. Люб тебе будущий зять, потому как и в бою с ним был, и медовуху пил. Потому за дочкой приданое выбираешь такое, чтобы зять доволен был. На Дубны наши выбор и пал. Только грызет тебя что-то, воевода. А все потому, что дочка твоя выбранного тобой жениха терпеть не может. И он ей добрым мужем не станет. К Году Синего Феникса к богам уйдет дочь твоя.

От этих моих слов кто-то в толпе охнул, а Лидко кулаки сжал, ожидая гнева воеводиного, я же продолжила, в потемневшие от гнева глаза Савхара глядя.

— Ты коли хочешь, чтобы твоя кровиночка жизнь долгую да счастливую прожила, не отдавай ее за того, кого сам выбирал, а у нее спроси. Занято ее сердце. И хоть сейчас ты злишься на меня, но знаю — сделаешь по моему слову. Потому как любишь ее больше жизни.

На том я и закончила свою речь и глаза опустила, боясь на злого Лидко и глянуть.

Савхар же молчал, и вместе с тем тишина такая на площади была, словно не собрался тут весь городской люд, а и вовсе город вымер.

— Что ж, зовут то тебя как, колдовка? — спросил воевода, и показалось мне, что стал он моложе и выдохнул с облегчением.

— Мать Кристианой назвала. Но здесь меня Седой Крысой кличут, — сказала я, все так же под ноги глядя.

— Хм. А что ж так?

— Тому не одна причина. Я ж родилась в Год Седой Крысы. А потом к пяти годам волосами побелела. Так что... сложилось так.

Воевода снова замолчал, задумчиво бороду потирая.

— Так, а чего ж вас не поженили то по-людски?

На то уже Лидко ответил.

— Крыску мою, когда маленькая была, храмовники в жертву требовали, да мать ее не отдала.

На то Савхар зыркнул зло на храмовника лицом побагровевшего, да дальше слушать стал.

— А меня она у Черного пса отбила, в самую темную ночь. Вот и сказали нам, что для таких как мы, меченных, благословения богов просить не станут.

Лидко говорил спокойно, да только чувствовала я, как тяжело ему слова эти дались. Храмовник же только рот открыл, как его Савхар жестом остановил.

— Не знают, наверное, местные отцы святые, что в год Крысы не только меченные

родятся, а и самые сильные таххарийские колдовки. Правда, ж не знали? — на что храмовник мелко закивал. — Таххарийцы таких детей с пеленок берегут и пестуют. Ты бы туда податься могла, в золоте бы купалась, — глянул на меня.

— Мать моя говорит, что пустое это, — ответила я, так и не оторвав глаз от каменной дороги под ногами. — Главное, чтобы на душе спокойно было.

Воевода же снова на меня посмотрел внимательно, задумчиво.

— Хотел бы я мамку твою увидеть. В гости хоть позовете? Заодно и за здоровье молодых мужа с женой медовухи выпью.

— Как не позовем. Рады будем, — зачастил счастливый Лидко, — И тетку Девену с Дайко позовем.

Я же на то только улыбнулась вымучено.

Храмовник, скрипя зубами, одел на меня браслеты мужней жены, да так же зло благословил на долгую и счастливую жизнь.

Ливка, как нас на пороге увидела, да еще с воеводой, плачем зашлась сначала. Но когда я рассказала, чем наш разговор кончился, обрадовалась. Гостей за стол сажала. Мать моя с Дайко и Малько пришли.

— А уважишь меня Девена, мать колдовки Кристианы. — спросил воевода с матери моей глаз не сводя. — Поднесешь меду?

На то Дайко нахмурился, но мать его по плечу постучала, да и подала чашу Савхару.

— Спасибо тебе, воевода Савхар. Сколько жить буду, не забуду, что для дочки моей сделал, — сказала мать, передавая ему медовуху.

Он же усмехнулся да ответил, что еще не ведомо, кто кому большую услугу оказал.

Когда ж я провожать его вышла, как законная теперь хозяйка, спросил меня:

— И свою судьбу знаешь, Кристиана?

— Своей не знаю. Да и не всегда чужую вижу. На дороге той раздорожья да повороты крутые. И куда путник свернет такой и судьба его будет.

— А мужа своего?

— А мужа знаю, но тебе не стану говорить. Моя то ноша и его. Скажу только, что как добро сегодня сделал, призвав Храм к ответу, так и беду в мой дом принесешь. Но то уже верно и не изменить мне ничего.

— Чего ж тогда раньше не сказала?

— А потому, что так для всех лучше будет. Зачах бы Лидко, если бы и дальше за спиной моей люди шептались. А мне он себя дороже.

Савхар на то кивнул.

— Хорошая ты, хоть и колдовка.

— Человек и без дара колдовского бывает такой, что лучше бы его мать и на свет не рожала, — пожала я плечами.

На том мы и распрощались.

Мой, теперь законный, муж светился, как новый карбованец. Работы брал больше прежнего, да все о детях заговаривал, на меня поглядывая. Я на то только плечами пожимала.

О даре моем же не заговаривал. Сказал только, что если захочу сама скажу. И за то я ему была благодарна.

Я же ему во всем помогала. Бралась расписывать цветными красками его поделки деревянные. И так то ладно выходило, что глаз не оторвать.

А по вечерам любились. Да так жарко да сладко. И засыпали обнявшись.

На меня хоть и косились, как на зверя невиданного, но говорить больше ничего не смели. Шутка ли Крыса Седая с самим воеводой дружбу водит. О чем перед отъездом он и сказал, так чтобы каждый слышал. Мол, если кому колдовка Кристиана глаза мозолит, то пусть ему о том и говорят.

И все бы хорошо, но знала я, что дни эти к концу подходят.

И конец им пришел в первый день зимы Года Белого Дракона.

Случилось все на исходе Года Зеленой Гадюки и после года ненавистой Седой Крысы. Крыса в тот год не зверствовала очень, да только люди говорили, что то еще хуже, чем если бы собрала она свою жатву обычную. По стране, где засухой урожай побило, где залило. Дубны же сия участь минула. Казалось, что забыла она о маленьком городке на западе Аллarii.

Мне же шестнадцать сровнялось.

Ливко уже в дом наш ходить начал, почти как к себе. Мать моя ворчала, да не гнала, видя, что собакой побитой на нее глядит. Но и решения своего менять не спешила.

— Ты, Девена, можешь на меня злиться, но смотреть на них больше сил нет, — сказал тогда Дайко матери в середине осени. — Так что не мотай им душу.

Мать тогда устало на табуретку села, расставила тарелки с кашей на столе, да только нам с Лидко кусок в горло не лез. Ждали, что мать скажет на то.

Она же вздохнула, посмотрела мне в глаза, словно по ртути в них гадать смогла бы и махнула рукой:

— Делайте что хотите.

Я даже не сразу и поверила, что так мать добро на нашу свадьбу дала. Ливко же от радости подскочил, обнимал и мать, и Дайко, и Малько. Ну и меня.

Особенно крепко обнимал, когда на порог его проводить вышла.

— Наконец дождался, — шептал он мне, к груди прижимая. — Завтра же в храм пойдем.

— Люди дурное подумают, — попыталась возразить я. — Может, не будем спешить так?

— Плевать мне на них, — ответил Лидко. — Или может, передумала?

Я на то головой мотнула.

— Куда я от тебя?

После того, как он домой ушел, я же всю ночь глаз сомкнуть не могла. Все мне казалось, что беда на мой порог ступила. И от щемящего чувства того в груди, даже дышать тяжело становилось, того и гляди задохнусь. От того и просидела я в темноту за окном вглядываясь. И чудилось мне, что по улицам Седая Крыса ходит, да пищит так злорадно, будто ведомо ей больше, чем мне глупой. Раз даже показалось, что смотрит на меня из темноты своими глазками-бусинками, ртутью налитыми. Да от того взгляда дурно становилось. И только когда солнце на востоке забрезжило, смогла хоть ненадолго забыться.

Вот поутру и встала я серее обычного, да еще и с красными уставшими глазами. И слабость такая в теле была, что от свадьбы долгожданной никакой радости не чувствовалось.

Мать, меня в наряд невесты одевая, все поглядывала тревожно. Но не спрашивала ничего. Может, ждала, что сама скажу, может потому, что углядела в том обычную для невесты тревогу.

К храму я шла через весь город на деревянных ногах, да за руку жениха вцепившись так, словно кто утащить его мог. Тревога моя с каждым шагом нарастала, дышать не давала. А когда в конце улицы Храм показался, и вовсе ноги подкосились. Захотелось махнуть на все да бежать куда подальше. Но едва на Лидко своего глянула, как собралась, губу закусил и,

стараясь не спотыкаться на каждом шагу, пошла за ним.

Встретил же нас давешний храмовник. За годы он еще больше вширь раздался, да одежды его, по заветам храмовым скромные, стал золотом расшивать. Щеки на стороны свесил, да на хомяка стал походить.

Нас же с Лидко, когда увидел, в глазах его огонь нехороший зажегся. Тогда я и поняла, что меня так тревожило. И уже и не нужно было вслушиваться в его речь, в которой он важно говорил, что боги меченым благословения никак дать не могут. Потому как грязны мы перед храмом и богами. Лидко тогда побелел весь, кулаки сжал, вот-вот опять в драку полезет.

— Не нужно, — дернула я его за рукав, — только хуже сделаешь.

На площади же стала толпа собираться. Со всех сторон на нас смотрели, да шептались. Казалось, кто-то гнездо змеиное потревожил. И от шелеста этого, мне совсем худо стало. На руке жениха своего повисла, чтоб на потеху всем не свалится.

Дайко тогда здорово с храмовником поругался, тот даже отлучением грозился. Да он только рукой махнул, выходя из храма.

— Сами решите, как дальше быть, — сказал он, в глаза не глядя, а как до меня дошло, о чем он, я и охнула.

— Придумаем что-нибудь, — уверенно сказал Лидко. — В другой храм пойдем, в третий. Все равно на Крыске женюсь.

Дайко же только кивнул, да забравши мать и Малько домой пошел. Мать же мне шепнула, перед тем, что если сердце любит, то никакой ему храм не указ.

Скандал у храма надолго затянулся, потому, когда расходиться люд начал, на город уже сумерки опускались.

Так мы и пошли в дом к Лидко. Мать его с младшим к родственникам пошла. Потому как молодым мешать не следует. И дом нас пустотой встретил и темнотой. Странно как, должна я была хозяйкой в дом войти, в котором родилась. А видно таки на роду мне написано было иначе.

Лидко ж тяжело на лавку опустился, голову рукой подпер, да и застыл так, даже свечи не зажегши. Но даже в темноте видно было, как поникли плечи, слышно как вздыхает тяжело.

Я же тихонько рядышком присела, да руку его в свои взяла.

— Ничего, Крыска, мы что-нибудь придумаем.

— Угу, — не стала я с ним спорить, а сама понимаю, что если придумает, то в дом беду накличет. — Придумаем, конечно.

И решилась. Встала, подошла к нему, близко, да пальцы в волосы запустила, поцеловала крепко. И так целовала, пока не стал дышать тяжело, да обнимать крепче. А потом и вовсе пояс распустила. И как только к ногам моим он упал, Лидко дернулся, будто ударила его.

— Не надо. Не по-людски это, — сказал он, чуть не задыхаясь.

Я на то еще раз угукнула, да стала с него рубашку стягивать.

— Так и я не человек вовсе. Колдовка. А колдовкам и не такое можно, — сказала я, сглотнув ком в горле.

— Глупости говоришь, — зашептал Лидко, обжигая плечи горячим дыханием. — Жена ты моя. Чтобы не говорили.

И на руки подхватил, на кровать уложил. Да только была она для меня, как гвоздями мелкими набита. Хотелось зареветь в голос, но от того я только жарче на поцелуи его отвечала, да обнимала крепче. А когда таки женой меня сделал, всхлипнула, почти

вскрикнула. Но не от боли, что в первый раз бывает, а от того, что увидела, жизнь я Лидкову, одним мигом перед глазами промелькнувшую. И не было в той жизни мне места.

— Больно тебе? Прости, Крыска, — встревожился он.

Больно было. Да болело не тело. Душа болела. Я же, чтобы не спрашивал ничего больше, только к губам его припала, надышаться стараясь. Пусть будущего у нас и не будет, но сейчас-то мой он только.

— Мать твоя злиться будет, — сказал Ливко когда мы, обнявшись в темноте лежали, да дыхание выровнять смогли.

— Будет, — не стала я с ним спорить. — Только не нас с тобой.

— Уедем тогда. На восход подадимся. Там гляди и храм найдем. По закону женой станешь мне. Или вообще в Таххарию.

Я молчала на то. Что было говорить, если знала, что не будет этого. Потому просто прижималась к нему. Запах его вдыхала, запомнить старалась.

— Нет, Лидко, не поедем мы никуда. Здесь останемся, — сказала я. — Не сбежишь от судьбы.

Так и встретили мы Год Рыжего Кота, вроде и мужем и женой стали, а на деле...

А на деле, хоть и забрал меня Лидко к себе в дом, да перед людьми женой назвал, а Ливка за меня горой вставала, как только кто слово худое скажет, да разве людям рот закроешь? Досталось и мне, и матери моей. Лидко хмурый ходил, да подрался с соседом как-то. Ливка вздыхала только, да говорила, что образуется все со временем.

— Легко тебе мать говорить. Они ж жену мою любимую, колдовкой, да гулящей зовут, — вздыхал Лидко. — А как дети пойдут? Тогда что?

Что на то было говорить? Я его по голове гладила, зная, что уже не долго нам с ним мучиться.

А случилось это летом того же Года Рыжего Кота. В городок наш маленький приехал воевода Савхар, который по праву землями этими владел. Получил он их еще в первую войну с Таххарией, которая была еще когда моя мать под стол пешком ходила. Но толи не было ему до земель этих толи дела, толи нужды, но до этого его в Дубнах ни разу и не видели.

Был он не стар, но уже и не молод. С носом крупным, да окладистой бородой, сединой побитой, да синими глазами внимательными. Люд же когда увидел его, с отрядом в город въехавшего, из домов повысыпал, не зная чего и ждать. Управляющий, которого в городе за хозяйственность любили, встретил его, в пояс поклонился, да в дом свой пригласил.

Лидко ж мой, как с цепи сорвался. По дому метался, волосы ероша, а потом и вовсе выскочил и на площадь побежал. Я его только тоскливым взглядом провела.

— Беда будет, — всхлипнула Ливка от печи.

— Нет, мам, не будет беды, — успокоила я ее.

Она уже привыкла к тому, что если я что говорю, то так оно и будет. И понимала, что не зря меня колдовкой звать стали. А потому притихла, да только вздыхала тяжело. Я же волосы свои седые переплела, новый платок повязала, да пошла вслед за Лидко.

И застала я его на площади вместе с воеводой. Да втолковывал ему что-то. Тот же хмурился, да бороду потирал.

— Дак где ж жена твоя, — спросил он громким голосом, привычным приказу на поле боя отдавать.

— Здесь я. — ступила я ближе, мужа за руку взяла.

Савхар же в меня глазами впился, будто диво какое увидел. Потом же, когда люди

гомонить начали, руку вскинул, к молчанию призывая.

— Неужто и, правда, колдовка таххарийская?

Я на то только руками развела.

— Люди так называют.

— А сама силу чувствуешь?

Я помедлила немного и кивнула.

— И в чем же дар твой? — спросил он, усмехаясь. А у самого глаза внимательные, настороженные. Словно видит ими меня насквозь.

— А дар мой такой, что знаю, почему ты приехал сюда, воевода Савхар. Человек ты хороший, справедливо править будешь, службу при князе оставивши. Да только здесь ты не для того чтобы нужды и беды людские слушать. Ты дочку младшую замуж отдать собрался. Люб тебе будущий зять, потому как и в бою с ним был, и медовуху пил. Потому за дочкой приданое выбираешь такое, чтобы зять доволен был. На Дубны наши выбор и пал. Только грызет тебя что-то, воевода. А все потому, что дочка твоя выбранного тобой жениха терпеть не может. И он ей добрым мужем не станет. К Году Синего Феникса к богам уйдет дочь твоя.

От этих моих слов кто-то в толпе охнул, а Лидко кулаки сжал, ожидая гнева воеводиного, я же продолжила, в потемневшие от гнева глаза Савхара глядя.

— Ты коли хочешь, чтобы твоя кровиночка жизнь долгую да счастливую прожила, не отдавай ее за того, кого сам выбирал, а у нее спроси. Занято ее сердце. И хоть сейчас ты злишься на меня, но знаю — сделаешь по моему слову. Потому как любишь ее больше жизни.

На том я и закончила свою речь и глаза опустила, боясь на злого Лидко и глянуть.

Савхар же молчал, и вместе с тем тишина такая на площади была, словно не собрался тут весь городской люд, а и вовсе город вымер.

— Что ж, зовут то тебя как, колдовка? — спросил воевода, и показалось мне, что стал он моложе и выдохнул с облегчением.

— Мать Кристианой назвала. Но здесь меня Седой Крысой кличут, — сказала я, все так же под ноги глядя.

— Хм. А что ж так?

— Тому не одна причина. Я ж родилась в Год Седой Крысы. А потом к пяти годам волосами побелела. Так что... сложилось так.

Воевода снова замолчал, задумчиво бороду потирая.

— Так, а чего ж вас не поженили то по-людски?

На то уже Лидко ответил.

— Крыску мою, когда маленькая была, храмовники в жертву требовали, да мать ее не отдала.

На то Савхар зыркнул зло на храмовника лицом побагровевшего, да дальше слушать стал.

— А меня она у Черного пса отбила, в самую темную ночь. Вот и сказали нам, что для таких как мы, меченных, благословения богов просить не станут.

Лидко говорил спокойно, да только чувствовала я, как тяжело ему слова эти дались. Храмовник же только рот открыл, как его Савхар жестом остановил.

— Не знают, наверное, местные отцы святы, что в год Крысы не только меченные рождаются, а и самые сильные таххарийские колдовки. Правда, ж не знали? — на что

храмовник мелко закивал. — Таххарийцы таких детей с пеленок берегут и пестуют. Ты бы туда податься могла, в золоте бы купалась, — глянул на меня.

— Мать моя говорит, что пустое это, — ответила я, так и не оторвав глаз от каменной дороги под ногами. — Главное, чтобы на душе спокойно было.

Воевода же снова на меня посмотрел внимательно, задумчиво.

— Хотел бы я мамку твою увидеть. В гости хоть позовете? Заодно и за здоровье молодых мужа с женой медовухи выпью.

— Как не позовем. Рады будем, — зачастил счастливый Лидко, — И тетку Девену с Дайко позовем.

Я же на то только улыбнулась вымучено.

Храмовник, скрипя зубами, одел на меня браслеты мужней жены, да так же зло благословил на долгую и счастливую жизнь.

Ливка, как нас на пороге увидела, да еще с воеводой, плачем зашла сначала. Но когда я рассказала, чем наш разговор кончился, обрадовалась. Гостей за стол сажала. Мать моя с Дайко и Малько пришли.

— А уважишь меня Девена, мать колдовки Кристианы. — спросил воевода с матери моей глаз не сводя. — Поднесешь меду?

На то Дайко нахмурился, но мать его по плечу постучала, да и подала чашу Савхару.

— Спасибо тебе, воевода Савхар. Сколько жить буду, не забуду, что для дочки моей сделал, — сказала мать, передавая ему медовуху.

Он же усмехнулся да ответил, что еще не ведомо, кто кому большую услугу оказал.

Когда ж я провожать его вышла, как законная теперь хозяйка, спросил меня:

— И свою судьбу знаешь, Кристиана?

— Своей не знаю. Да и не всегда чужую вижу. На дороге той раздорожья да повороты крутые. И куда путник свернет такой и судьба его будет.

— А мужа своего?

— А мужа знаю, но тебе не стану говорить. Моя то ноша и его. Скажу только, что как добро сегодня сделал, призвав Храм к ответу, так и беду в мой дом принесешь. Но то уже верно и не изменить мне ничего.

— Чего ж тогда раньше не сказала?

— А потому, что так для всех лучше будет. Зачах бы Лидко, если бы и дальше за спиной моей люди шептались. А мне он себя дороже.

Савхар на то кивнул.

— Хорошая ты, хоть и колдовка.

— Человек и без дара колдовского бывает такой, что лучше бы его мать и на свет не рожала, — пожала я плечами.

На том мы и распрощались.

Мой, теперь законный, муж светился, как новый карбованец. Работы брал больше прежнего, да все о детях заговаривал, на меня поглядывая. Я на то только плечами пожимала.

О даре моем же не заговаривал. Сказал только, что если захочу сама скажу. И за то я ему была благодарна.

Я же ему во всем помогала. Бралась расписывать цветными красками его поделки деревянные. И так то ладно выходило, что глаз не оторвать.

А по вечерам любились. Да так жарко да сладко. И засыпали обнявшись.

На меня хоть и косились, как на зверя невиданного, но говорить больше ничего не смели. Шутка ли Крыса Седая с самим воеводой дружбу водит. О чем перед отъездом он и сказал, так чтобы каждый слышал. Мол, если кому колдовка Кристиана глаза мозолит, то пусть ему о том и говорят.

И все бы хорошо, но знала я, что дни эти к концу подходят.

И конец им пришел в первый день зимы Года Белого Дракона.

А пришел он вместе с тем же воеводой Савхаром.

Тогда вьюга за окном крутила, да ветер завывал злобным зверм. Ливка расхворалась и неделю в постели лежала, кашлем заходилась сухим, нехорошим. А я все ходила вокруг нее, зная, что болезнь эта надолго ее с ног свалит.

Савхар же в дом зашел, низко пригибаясь под косяком. Я развернулась резко, да так и села.

— Здрава будь, колдовка, — сказал он, широко улыбаясь и отряхивая с полушубка снег.

— И ты не хворай, да сильным будь, — ответила я, сглотнув ком в горле и наливая медовухи гостю.

Пока ж он пил, я на стол накрыла. Да только дело не шло. Валились с рук и миски и ложки. А потому не выдержала я того села и лицо руками закрывала.

— Знаешь, рад я, что сама все знаешь. Всю дорогу думал, как скажу тебе, что мужа твоего под княжеские знамена забираю. Вышло, что на добро тебе злом отплатить пришел, — сказал Савхар, ставя ковш на стол. — Моя б воля не делал бы того, но не один пришел, а с новым военачальником, — и тут же заговорил часто, да быстро. — Сама же говорила, что дорога судьбы одни перекрестки да распутья. Может и обойдется...

И что-то еще хотел сказать, да муж в дом вошел. Воевода ж поднялся, обнялся с ним, как с родным, да и рассказал, что его в наши Дубны привело.

А привел его наказ княжеский, в котором говорилось, что каждый, кому больше семнадцати лет и меньше четырех десятков, мужчина, должен прибыть под княжеские знамена, сроком на год. Связано то с тем, что опять извечные враги Алларии таххарийцы на границе оживились. Потому и усиливает князь Термар армию.

Лидко мой задумчиво макушку почесал, да сказал, что если воевода так желает, то он готов, хоть завтра в ряды алларийского войска вступить.

— Не завтра, конечно, — сказал Савхар, — неделя у тебя на сборы будет.

Я же о другом заговорила.

— Ты воевода Савхар, князю передай, что не от Таххарии ему беды ждать нужно. С другой стороны она придет. Пока не скажу, откуда точно, не решено это. Только пусть войска на запад ведет, а не на восток.

Савхар же задумчиво пальцами по столу побарабанил и кивнул. мол, все сделаю, как говоришь. А я знала уже, что отмахнется князь от слов неведомой колдовки. Да еще и таххарийки.

Воевода же улыбнулся.

— Я ж тебе за дочку так спасибо и не сказал. Все по твоему слову сделал. По осени замуж отдал. Уже и затяжелела. От себя же тебе подарок передала.

Он протянул мне коробочку деревянную, в которой лежали длинные серьги из белого золота. Красивой работы и такой цены они были, что я нахмурилась.

— Дорогой это подарок для меня. Не приму я такой.

— Ты мне дороже дар сделала. Потому отказом не обижай.

На то я только вздохнула. Про себя подумав, что так он от совести своей откупится хочет.

— Ты то знала? — спросил меня Лидко, когда ночью уставший обнимал меня, в волосы носом уткнувшись.

— Знала.

— Вернусь я, — сказал он, немного помолчав, и теми словами, будто мою тревогу желая развеять.

— Вернешься, — подтвердила я.

— И все будет хорошо, — сказал, по плечу поглаживая.

— Будет Лидко. Обязательно будет.

Через неделю я провожала мужа и хоть и старалась работой, за заботами тоску заглушить, да все одно выть хотелось. А потому, вместо того, чтобы голосить, как все жены, стояла с приклеенной улыбкой, на каменном лице. Негоже мужу дорогу проплакивать. Пусть лучше с легким сердцем идет.

— Ты жди меня, Крыска. Что год? Мы с тобой к своему счастью дольше шли.

На то я только кивнула. Проклятый ком в горле, да сердце кровью обливавшее, не давали и слова сказать. Только целовала лицо его, желая каждую черточку запомнить.

И только когда домой вернулась, устав в дорогу опустевшую вглядываться, дала волю слезам.

И дальше время смазалось, будто и не шло совсем. Казалось, что кто-то только солнце через небо перебрасывает, дни считая.

К исходу недели ко мне во двор тетка Ведана пришла. Она в войско мужа и двух сыновей проводила. Да теперь изводилась вся, ни дня, ни ночи не зная.

— Ты ж колдовка, Кристиана... — начала она, после того как поздоровались, да на лавке сели. — Воеводе вон как все сказала...

Я же только подивилась, как нужда человека меняет. Раньше меня разве что Седой Крысой и звала, да даже и не всегда здоровалась. Сейчас же...

Меж тем Ведана в ноги мне упала, да завывала, как за покойником.

— Сядь, тетя Веда, — рявкнула я на нее, за руку с пола поднимая. — Ты не изводи себя, вернутся они все трое. Живыми и здоровыми. А младший твой еще и жену в дом приведет. Хорошей она будет, хоть и не по тебе. Да ты не по себе смотри, а гляди, как сыну лучше будет.

Говорила я то, что знала. Тетка же затихла, да постепенно лицом светлеть начала. А потом опять на колени рухнула. Благодарить начала. Я же разозлилась на нее, да прикрикнула. С тем и выставила за порог.

Если бы только знала, чем это мне обернется.

На следующий же день ко мне на порог, половина жен и матерей выстроились. Я же только ругнулась себе под нос, да дверью хлопнула, сказав, чтобы не бегали ко мне, а мужей да сыновей домой ждали.

Да только не сильно-то помогло. Теперь и во двор выйти не могла. Хворающая Ливка сама по воду и дрова ходила, меня жалела.

— Ну как сказать жене или матери, что сгинет тот кого ждет она? — всхлипывала я на плече свекрови. — Так хоть надежда останется, что вернется.

— Ты, Крыска, дурного в голову не бери. И помни, что никому ничего не должна.

То я, конечно, понимала, да все равно себя виноватой чувствовала.

А через неделю моя судьба опять свернула на дорогу, которой и знать не хотелось, да и миновать не удалось.

К тому времени, я уже извелась вся, от баб местных отбиваясь. Благо мать моя, услышав про мою беду, во двор влетела, да такую головомойку им устроила, что бежали, не оглядываясь. Дайко, слава Богам, дома остался, подле жены и уже почти взрослого десятилетнего Малько. Во-первых, по возрасту уже не подошел, а во-вторых, кузнец хороший и здесь нужен был. Правда, вместо подсвечников, да сапок, ковал он теперь по большей части мечи, да наконечники для стрел. Братец мой, же теперь деревянным мечом размахивал вместе с на год старшим Ливкиным Рейто. Тот тихий всегда был, что и не слышно его в доме, с уходом брата сказал, что он теперь старший мужчина в семье, а потому нас с Ливкой защищать будет, пока брат не вернется. Теперь же его умений хватало только на то, чтобы с Малько по улицам мечом деревянным махать.

— Уходить тебе нужно, Кристиана, — сказала мать мне, в очередной раз, отбивая от баб. — Ты бы в правду к таххарийцам подалась. От туда весточку дала. А я бы Лидко потом, как вернется, сказала, где искать тебя.

— И вправду надо, — вздохнула я тяжело.

В ту ночь я снова не смола уснуть. Теперь же не мерещилась Крыса мне, а видела ее, как живую. Или живую и есть. Так как сидела она на сволоке под самым потолком, хвост свой голый свесив, да шевелила усами, будто говорила о чем. Да только была больше обычной, да с боками сытыми. Та темнотой в глазах такой, что у самой на душе темно становилось. А вот страха не было больше, только чувство, что ничего уже не изменить.

— Предупредить меня пришла? — спросила я у Крысы.

Она же только запищала, словно засмеялась злорадно.

— Ну и леший с тобой, — махнула я рукой и стала собираться в дорогу. — Я от тебя и не ждала добра.

Наутро по улицам Дубнов проехал денмаркийский военный отряд. Да не просто въехал, а с криками, гиканьем и зажженными факелами. Их человек двадцать было, в латы закованных в шлемах и на добрых конях. Из мужиков в городе остались разве что юнцы безусые, да деды седые, а то бабы, дети, да девки.

Я же еще утром в перешитые на себя Лидковы штаны оделась, куртку теплую, сапоги. Только платок, который на голову повязывала, женой будучи, сняла. Лучше пусть сразу видят, с кем дело имеют. Из пожитков своих две рубахи взяла, да жилетку. Подарок же воеводин, так на столе и оставила.

— Ну, вот и пора мне, мам, — сказала я Ливке.

— Да ты что совсем сдурела? — вскинулась Ливка, бросив на пол узелок, в который скидала самое ценное, да думая, как бежать. — Ты чего удумала-то?

На то я только улыбнулась грустно, да, подхватив свой узелок, вышла навстречу денмаркийскому отряду.

Глянула, отыскивая главного, да к нему и пошла.

— Здрав будь, воевода. — сказала я, глядя на него снизу. — Ты бы не спускал псов своих, а при себе держал.

Кивнула я на воев, что уже по домам разбрелись, где пустующим, а где и нет. Там то кричал кто, то плакал просился. Я же губу закусила. Да все с воеводы глаз не сводила.

Был он видным мужиком, чернявым, да с темными очами. Нос ровный, да брови вразлет. А верхом на коне мне огромным казался, потому и не могла от страха избавиться, и голос не последнем слове таки сорвался.

Отряд его меня заметив, заржал, похуже лошадей, да начал шуточки отпускать такие, что не трясись я так, то покраснела бы как девица на выданье, а то и побелела. Да вместо того, ждала, когда на меня воевода внимание обратит. Он и обратил. Сперва, брови удивленно поднял, а после нахмурился, да людям своим махнул, чтоб умолкли, да притихли. Люд же из городка нашего, как крысы разбежался, и скоро остались только мать моя, Дайко и Ливка. Мальцов спрятали где-то, а сами ко мне вышли. Заступиться хотели.

— Неужто, повезло мне в этой глуши колдовку встретить? — улыбнулся вой. — За такую удачу меня княжич золотом осыплет.

Отряд его загудел, как зверь сытый, предчувствуя награду.

— Осыплет-то, осыплет, — сказала я на то, — если ты меня живой довезешь. Знаю я, что княжича боишься, как огня, потому, как молод он, да горяч, а потому и на расправу скор. Ты же за то, что меня потеряешь по дороге, головы лишишься, а не золота получишь.

— Проклясть меня хочешь, колдовка? — прорычал он, склоняясь, и последнее слово выплюнул, как кислое пиво.

— Договорится хочу. — ответила я, в глаза ему глядя. — Я с тобой по доброй воле пойду, и подскажу, как княжичу твоему в Алларийской земле голову не сложить, — мать на то за спиной моей ахнула, и Ливка завывала. Но на то я уже не обращала внимания. — А ты за то, забереешь воинов своих и уедешь, ничего здесь не порушив. И учти, пообещаете назад не возвращаться и слово нарушите, о том узнаю и проклянущу тебя, сыновей твоих обоих, да дочку малую. И всех то касается, — сказала я к притихшим воинам оборачиваясь. — И не просто проклянущу, а посмертным проклятьем, которое ни один колдун не снимет.

То что проклясть так сумею, и сама не верила, но говорила уверенно, так что поверил мне воевода и, хоть и нахмурившись, кивнул.

— Могу от тебя и сам избавиться, чтоб потом проблем не было.

— Можешь. Но вой во хмелю страх языкатые...

Он опять нахмурился.

— Давай свой узел, — сказал руку протягивая. — И сама влезай. Со мной поедешь.

— Дай хоть с родителями проститься, — сказала, узел свой подавая.

На то он только рукой махнул.

Я обняла мать застывшую, как столб каменный с лицом вмиг постаревшим и посеревшим, и голосащую Ливку.

К Дайко прижалась и прошептала:

— Ты...отец, — казалось правильно хоть раз его так назвать, зная, что не увижу больше. — мать береги. Тяжко ей придется. А Лидко скажете, что сгинула. Могила на погосте насыплешь, пока в городе никого нет. И себя береги, ты мне хорошим отцом стал. Лучшего боги дать не могли.

— Ох, Крыска, — сказал, меня к груди прижав, — Что ж, ты так...

Но я уже отпрянула, слезы вытирая, и ушла не оборачиваясь. И так и уехала, оставляя за спиной всю свою жизнь.

И не обернулась ни на плач надрывный Ливкин, ни на крик почти звериный, матери моей, да только в луку седла вцепилась сильнее, что и пальцы побелели. И слезы глотала, всхлипывая.

С темнотой мы на поляну съехали с наезженной дороги. Холод был такой, что чудилось, и душу выморозит. Да мне то все равно было. Я как кукла стала деревянная, которую Лидко из чурки вырезал. И кабы не тоска, сердце разрывавшая, засомневалась бы, что и жива вообще.

Вои же на ночлег становились, на меня с опаской оглядываясь. Из ели веток нарезали, дров собрали, скоро и костер заплясал весело по дровам, и похлебкой запахло. Мне же казалось, что сон дурной вижу, а плошку с супом наваристым, чудилось, змеями и червями набрали. Но ела, знала, что силы нужны будут.

— Звать то тебя как? — спросил воевода, рядом на корточки присаживаясь.

— Кристианой, мать назвала. — сказала я прожевывая черствый хлеб.

— Значит не показалась мне кровь в тебе таххарийская... Скажи, колдовка, что мне от судьбы ждать-то.

Я вздохнула и плошку пустую отставила. Сама же повернулась, в глаза ему заглянула.

— Ты правильный выбор сделал, меня с собой забрав, да к словам моим прислушавшись. Княжич и правда тебя за то возвысит. Да только по тонкому льду ты ходить будешь, шаг неверный сделаешь и под воду уйдешь. А чтоб не случилось того с тобой, оставь девку княжича. Она все равно не по тебе. Сам же к жене и детям тогда вернешься, да еще и не последнее слово при князе говорить будешь.

На том я глаза опустила, чтоб не видеть, как он лицом побелел, да как челюсти сжал, что зубы затрещали.

Но скоро в руки себя взял, и сказал:

— Меня Ольвен зовут. Если чего надо не молчи, говори.

На то я только вздохнула, да кивнула.

К обеду следующего дня мы в стан денмаркских воинов въехали. Они как меня увидели, так и загалдели, как галки, да только Ольвен уже наученный был, цыкнул на них и прямо к княжича шатру привел.

Пахло там потом и дымом. А еще сталью, кровью омытой. Потому, едва за мной полотно закрылся, как голова кругом пошла, и тошнота к горлу подступила. Ольвен то заметил да все равно едва подхватить успел, когда на землю оседать начала.

— Ну что? — пробасил нетерпеливый голос над головой.

— А я что лекарь? — ответил второй.

— Так где лекарь-то? — снова первый гаркнул так, что у меня перед глазами цветные круги заплясали.

— Не надо мне лекаря, — просипела я. — Переволновалась просто.

И встать попробовала, да только то не сразу у меня вышло.

— Лежи уже, — сказал тот, кто лекаря звал. — А еще колдовка.

— Так что, если колдовка, так и не человек уже? — сказала я, все таки поднявшись.

То что передо мной княжич был, поняла бы и не будь колдовкой. По гордо голове вскинутой, с едва пробившимся пухом на щеках. По подбородку, упрямому, по глазам серым, внимательным. Да по вышивке на груди с орлом, крылья раскинувшим.

— Что ж, если очухалась, тогда и поговорим, — сказал он, прищурившись.

Я же по сторонам огляделась. Хоть и темно тут было, а видно, что не привык княжич к роскоши. И лишнего ничего не было. Только душно стало еще больше, от того, что людей набилось, что дыхнуть нечем.

— Поговорим, княжич, да только, скажи, чтобы нас с тобой вдвоем оставили, а то и

дышать здесь трудно.

На то он только застыл, не на долго, да уверенно спровадил всех почти, оставив при себе, разве что одного воя. Седого, почти как я, да только седина та не от дара была, а годами нажитая. В нем я опознала человека, что правду ото лжи отличить может.

— Велэй останется, — сказал княжич, — Так зачем пришла, да еще и по доброй воле, колдовка Кристиана?

А в голосе недоверия столько на издевки, что ими море залить можно от края до края. И смотрит настороженно, словно в горло брошусь ему, как зверь лютый. Озлило меня то, потому и окрысился:

— Разве не сказал тебе вой твой? Я свою жизнь, выменяла на жизнь людей в городе.

— Сказал. Да только то от тебя услышать хотел, — и на Велэя покосился.

Тот же кивнул, подтверждая, что правду говорю. Княжич на то хмыкнул.

— И в чем же служба твоя будет? — усмехнулся княжич, — Ты только учти, постель мне есть кому греть, и ты целого города не стоишь.

Я только привычно вздохнула, да подняла глаза ртутные в его серые вглядываясь.

— Ты княжич, не потому пошел в поход на Аллирию, что слышал, будто все войска наш князь к таххарийской границе стянул. Хотя о том своему отцу и доказывал. Тебя грызет, что он тебя еще юнцом считает, да ни во что не ставит совсем. Вот и решил ты доказать, чего стоит молодая кровь. Да только если так на север пойдешь, и славы тебе не будет, и голову сложишь.

Я вздохнула, слыша, как задышал часто.

— А если славы хочешь, да чтоб отец с твоим словом считаться стал, на юг иди. Там ты легко победы добьешься. Они тебе сами в руки падать станут, как яблоки спелые.

— Откуда ты то взяла? — спросил он.

— Видела я. Жизнь твоя и твоих людей зависит от того, послушаешь меня или нет.

С теми словами голову опустила и украдкой на Велэя глянула. Он же не кивнул княжичу, а сказал.

— Правду сказала, всю до слова, — сказал, и в голосе его я опознала второго, что надо мной хлопотал, когда сознание меня покинуло.

Княжич же задумчиво по колену забарабанил, словно и не зная, верить мне, или нет.

А потом крикнул так, что сжалась я вся.

— Альвар! Сюда иди.

Да когда Альвар этот в шатер вошел, я и похолодела вся. Так вроде обычным был. Невысокий, волосы коротко острижены русые, коренастый. Да только глаза его золотом светились, будто у зверя дикого. Я же поняла, что не вижу ни прошлого его, ни грядущего. Словно и нет этого человека совсем. Даже вперед подалась, стараясь разглядеть, то что видеть привыкла. Он же обернулся ко мне, застыл на миг, и губы в презрительной усмешке скривил, как помоями облил. Мне аж утереться захотелось.

— Так эта соплячка и есть та колдовка, что Ольвен привез?

Я на то даже обидеться хотела, да только чувствовала, что ему до обид моих дела не больше, чем до червя под землей ползущего. Потому и смолчала, обиду свою спрятав подальше.

— Соплячка, не соплячка, а теперь за нее ты отвечаешь головой.

Я ж услышала, как засопел он зло, почувствовала, как зыркнул на меня так, что если бы смог на месте всю испепелил. Но сказал другое:

— Как скажешь княжич, — и меня за руку цапнул так, что слезы из глаз брызнули, да потащил за собой из княжича шатра.

Я так и не поняла, чего так разозлился этот Альвар. Так и плелась, как на аркане за ним, под шуточки та хохот воев. Та только стоило ему рыкнуть на них, как притихли, да настороженно уже глядели. Меня в шатер втолкнул, бросив скупое «Сторожи!», да и ушел. Я же едва подалась за ним, как за спиной рык глухой послышался. От него похолодела вся, обернулась, да разглядела в полутьме два глаза янтарных, да пасть ощериную.

— Будет тебе, — сказала я, страх свой стараясь скрыть. — Не злись. Не пойду никуда.

Сама же по шатру прошла, на ногах негнущихся, да опустилась на тюфяк, прямо на земле расстеленный.

— Ты не думай, что бежать хотела, — заговорила я с темнотой, — Знаю, что назад дороги уже нет. Или думаешь, не заметила, как храмовник наш мне в след знак, обратную дорогу затворяющий, чертил? — вздохнула тяжело. — Ты не думай, что жалею. Просто тоскно мне, да млосно.

На то зверь рыкнул глухо. Я же глаза прикрыла, в колени поджатые головой уткнувшись. Знала, что по моему слову Дайко все сделает. Не посмеет от колдовкиных слов отмахнуться, да и так... и матери будет, где оплакать меня. И Ливке. И Лидко, когда вернется. А больше, наверное, и не вспомнит о Крысе Седой никто.

Альвар вернулся, когда я уже задремать успела.

— На, ешь, — сказал, плошку с кашей из ячменя толченого протягивая.

Я же взяла молча. Пресная была. Масла бы к ней, или сала с луком, но ела, зная, что не будет никому дела до слов моих. Когда ж опустела она, сторож мой забрал молча, даже на мое «Спасибо!» не оглянулся, и опять ушел. Правда, на этот раз скоро вернулся. Принес мне шкуру овчинную, на тюфяк бросил, да скомандовал, чтоб спать ложилась. Сам же просто на земле устроился.

Я ж не спорила. Сжалась, под шкурой, слишком для меня короткой, да в сон провалилась.

А снился мне Лидко мой. Сидел у костра с алларийскими воями, смеялся, песни пел. А я смотрела, пошевелиться не могла, только всхлипывала тихонько, глаз не в силах оторвать. Старалась каждую черточку на лице запомнить. И все дрожала, толи от холода, толи от слабости.

Поутру когда глаза открыла, сначала подумала, что привиделось мне, что к волчьему боку прижимаюсь, за серую шерсть цепляясь. А поняв, поднялась, по голове погладила уверенно:

— Пожалел меня? И на том спасибо.

Мне на то только рыкнули тихо.

Военный совет долго проходил. Одни говорили, что есть в моих словах истина, другие, что колдовка от города своего просто отвадить захотела, а потому и веры мне нет.

Я же знала, что по моему слову будет. Княжич уже сам решил так. А воевод слушает, скорее чтобы не сомневались, что слово их для молодого княжича важно.

Вечером второго дня меня в шатер княжича привели.

— Что ж, колдовка, решил я, что на юг пойдем. — сказал княжич. — А тебя позвал, чтоб сказать, если удумала чего, тебя же и заставлю ответ держать.

На то я только плечами пожала.

— Не боишься? — подался он вперед.

— Чего бояться? Я знаю, что говорю, княжич, и от слов своих не отказываюсь.

На то он только выровнялся и велел меня увести.

А на выходе столкнулась я с девкой княжича. Она как раз входила, когда меня Альвар, в спину подталкивая, выводил. Хороша, что сказать. Высокая, что мне голову задрать пришлось, косы и глаза черные, а кожа белая, рот алый пухлый, нос маленький. В мужские одежды одета, да с ножом длинным охотничьим на поясе. Хороша. Да только мне эта красота лихой показалась. И чудилось, что от нее кровью тянет.

— Это еще кто? — спросила она красивым грудным голосом, а в глазах злой огонек зажегся.

— У княжича Сельфа спросишь, Вельвена. — сказал Альвар спокойно, я же на то только зубами скрипнула.

Может же, как человек нормальный говорить, чего тогда на меня зверем рычит?

— Спрошу, Альвар, не сомневайся. — зашипела на то полубовница княжичева и в шатре и скрылась.

— Идем уже. Чего стоишь? — сказал, меня под руку беря. — Теперь она его надолго займет.

Что мне на то говорить нужно было, не знаю. Потому и шла молча.

Вместе с решением своим, княжич Сельф всем велел наказ его донести, что колдовка Кристиана, теперь под его защитой и если кто меня тронет, тем ему обиду учинит и отвечать перед ним же и будет.

Потому на следующий день мне по улице разрешили погулять, да воздухом подышать. После душных шатров, когда и небо видела только когда из одного в другой, как скотину домашнюю гоняли, даже стан военный милым был. Потому и стояла, вдыхая полной грудью запах и костров, и перегара, и конского навоза. Люб был даже ветер зимний злой, да снег густой, как стена. И даже на косивших на меня настороженно воев, готовящихся с места сняться, не глядела. Что мне было до их хмурых поглядыв? Не убудет. И не было дела до, сопевшего рядом, Альвара. Да только рассеяннo трепала по голове волка его, что Бураном звался. Он и правда, как буран был. Особенно то ясно становилось, когда рык его с горла звериного вырывался. Да только не боялась его больше. Сама не знаю, когда и как бояться перестала.

— Ты, дочка так бы не стояла на ветру. Продует еще, — сказал подходящий к нам Велэй.

При свете дневном он мне еще старше показался. Лицо обветренное, да полущевшееся, глубокими морщинами испещрено, глаза внимательные. А только добрые были глаза те. Потому и улыбнулась ему и сказала, что не холодно, а хорошо, после духоты-то. Он же только хмыкнул на мои слова.

— Ты Альвар иди, я пригляжу за колдовкой. У тебя ж и свои дела есть.

Тот же нахмурил брови, губы поджал. Но после кивнул и без слов ушел, хлопком по ноге волка подзывая.

Я от облегченного вздоха сдержать не смогла.

— Обижает что ли? — спросил Велэй.

— Нет, что ты. Просто пугает, больше зверя своего.

— Это да. Не ты одна его опасаясь.

— И ты?

— Я нет. Давно его знаю. Еще когда он колдуном был. Сильным колдуном. Ученым. Он когда дар потерявши, хмурый стал, да нелюдимый, а все же знаю, что не плохой он. Что человек, что воин. И княжич его за то ценит.

Я же нахмурилась. Если Альвар колдуном был, да дар свой утратил, не потому ли я теперь и жизни его не вижу. О том и спросила.

— И потому. Колдун, дара лишившись, для мира умирает будто. А еще потому что жизнь и судьба колдунов и колдовок одним богам подвластна. Они и распоряжаются ею.

Только хотела спросить, как случилось, что колдуном перестал он быть, да не успела.

— Так значит таххарийская колдовка? — толи спросила, толи мурлыкнула, как кошка сытая, девица, что Альвар Вельвеной назвал. — Может, и мне чего скажешь?

Мне же на нее и смотреть не хотелось. Надо ж так, чтоб боги в такое красивое тело, гнилую напрочь душу поместили. И так не только я думала. Заметила, как нахмурился Велэй, как потяжелел его взгляд. Потому и не стала даже оборачиваться на голос ее.

— Не стану я тебе говорить ничего.

— Что ж так? Зазналась может, когда княжич тебя под свою защиту взял? Так ты смотри, он человек такой, сегодня пестует, а завтра и пинка даст.

— Я то и без тебя знаю, — сказала спокойно, все же обернувшись. — И так же знаю, что и ты боишься, как бы не прогнал тебя. Не княжич тебе нужен, а власть его. Потому и говорить ничего не хотела. Что бы ни сказала — от пути выбранного не отступишься. А о гибели говорить не люблю.

Она же побелела вся, да красными пятнами пошла. Уже рот открыла, чтоб сказать гадость какую. Я даже глаза прикрыла, чтобы злобы ее не видеть.

— Ах ты дрянь, — взвизгнула она да шаг ко мне сделала. — Я тебя...

— Ты Вельвена ее и пальцем не тронешь. — сказал неведомо откуда появившийся Альвар, а волк его зарычал ощерившись. — А сейчас развернешься и пойдешь к княжичу, и на глаза мне больше не покажешься сегодня.

И вроде говорил спокойно, да только от слов его и голоса у меня волосы на голове зашевелились, а сердце сжалось, вот-вот готовое остановиться. А потом зашлось, как дурное.

— А ты Велэй, за колдовкой смотреть обещался, а сам... — меж тем продолжил он, уже и потеряв интерес к уходящей Вельвене.

— Так Кристиана-то и сама себя отстоять может.

— Может и может, а только твоя задача была следить, чтоб не приходилось ей этого делать.

С теми словами меня за руку взял и потащил, ступая широко. Чтоб злость его почувствовать, и дара колдовского не нужно было. Потому и перебирала ногами, молча плетясь следом. Молчала, когда в шатер меня втянул, да так и застыл дыхание переводя.

— Завтра с места снимемся, — сказал не оборачиваясь. — Если что тебе нужно, скажи — принесу.

Я же задумалась, нужно ли мне что?

— Ничего не надо, — уверенно сказала я. — Что мне пригодится может, с собой взяла, остальное же только тяготить будет.

Он покосился на мой узелок никчемный с двумя рубашками, но ничего не сказал.

— Ты ж не девка уже? Почти в полной силе колдовской, — спросил он, неожиданно развернувшись.

— Замужем я, — протянула руки, показывая брачные браслеты.

— Как же муж тебя отпустил тогда?

— Не отпускал, сама ушла. Не знает он, что домой вернувшись, меня не застанет уже.

А от слов своих все внутри оборвалось. Хоть и думала о том часто, хоть и знала, да только когда в голос сказала, словно перечеркнула жизнь свою прошлую. Потому и слезы на глаза навернулись.

— Не плач, — сказал он непривычно мягко, я же от того только всхлипнула. — Поход закончится — вернешься.

— Не вернусь я.

— А что ж тогда делать будешь?

На то только плечами пожала. О том после думать буду.

По утру же двинулись в путь.

Мне Сельф коня велел седлать. Красивый конь, гнедой, сытый, с ногами тонкими, гривой черной да нравом смирным. На меня же глазом косил, он не зная чего и ожидать.

Я же думала, как сказать, что за всю жизнь раз в седле сидела и то вместе с Ольвеном.

За меня и это Альвер решил, сказав, что пока под его опекой, в его седле и ехать буду.

Мне же от того только легче стало. С утрюмостью его я уже казалось свыклась, а вот к коню привыкать. Потому и ехала, по сторонам оглядываясь.

Княжич, от моих слов оживленный, все гарцевал на своем жеребце. Казалось, его бы воля бросил бы и людей своих и обоз, да погнал коня навстречу своим победам. Да только конных если бы погнал, пешие все равно плелись бы. Потому раздражался он и покрикивал, гоняя коня то в начало, то в самый хвост. И все выглядывал отряд, что вперед пустил. Только и это не могло умалить возбуждения и предвкушения их. Гомонили, перекрикивались, перешучивались и смеялись, то и дело.

Вельвена же ехала рядом с воеводой Ольвеном впереди нас. Что-то говорила ему, смеялась звонко. А мне слышалось, как под его ногами лед трещит. Я на то только губу закусил. Что ж сделаешь. Если человеку и самому его жизнь не дорога? А ничего. С теми мыслями постаралась отрешиться от всего и голову откинула на плечо попутчика своего, тяжело вздохнула.

— Дурак он. — сказал он, тихо.

— Потому что любит ее?

— Любовь хороша, когда человек собой остается и силы из той любви черпает. А если нет... Да и не любовь это вовсе.

К обеду привал не делали, так и грызли мясо вяленое и куском хлеба, запивая кислым вином. Я до этого ни разу такого напитка не пробовавши, охмелела совсем. Потому пришлось меня колдуну бывшему еще и придерживать, чтоб коню под копыта не свалилась.

А на ночлег стали, когда стемнело совсем. С обозом княжич три десятка людей оставил, остальные же разбились по лесу, только по свету костров понять и можно было где они есть.

Когда же шатер ему натянули, меня позвал.

— Есть тебе что мне сказать? — спросил, приглашая вечерю с ним разделить.

Я ж отказываться не стала. И утолив голод только, говорить начала. Княжич меня не торопил, понимая, что бабе в походе тяжко.

— Сказать есть что. Только сначала спрошу. Хочешь ты завоевать эту землю или же потом и править на ней? — спросила, отхлебывая горячий травяной отвар.

Он же на то сказал, не как воин, а как правитель:

— Я не простой вояка, Критиана, и прежде всего будущий князь. И хоть и греет меня манит слава воинская, а все же о благе государства думать должен.

— Тогда слушай меня. По ночи вернется твой отряд, скажет, что впереди город большой. Там почти мужиков и нет. — вздохнула я вспоминая свой родной город. — Защищать его и некому. Да все же стены вокруг него крепкие. Ты все равно его возьмешь. Так то и не победа будет, если с мечом туда придешь, а резня. А если сам поедешь, с тремя-четырьмя десятками воев, сговоришься по-доброму. Сами ворота откроют.

— Я погляжу, можно мне и не рассылать отряды в разведку, ты мне и так все сказать можешь. — хмыкнул Сельф.

— Могу, но только не веришь ты мне. Оно и понятно. Удивилась бы если бы по-другому было. Только в этот раз послушай меня, тогда и убедишься, что не лгу тебе.

С тем и покинула его, привычно отыскав Альвара. Он шатер ставить не стал, а просто ельника нарубил, да возле костра с остальными сидел. Я же села рядом, потрепала по голове Бурана, на огонь поглядела, стараясь понять, что княжич решит. А он не спешил, видно решив, что лучше разведчиков дожждаться. Ну и пусть.

— Спать тебе пора. — сказал Альвар. — Здесь и ляжем.

— Угу. — не стала спорить я.

— Ночь холодной будет. Ляжешь между мной и Бураном, так теплее будет.

— Хорошо.

По стану все так друг к другу жались, чтобы тепло сберечь. В поход обычно по зиме не ходят, да только знала я, спешил княжич из-за того, что знал, князь наш Алларийский увел войско свое к таххарийской границе. И завернуть его не один день. А вот если вернется нехстати...

Я же прижалась спиной к колдуну, Буран лег так, что руки в его мех густой запустила. И только согрелась под овчиной, в сон провалилась.

Утром же стало ясно, что княжич по моему слову сделает. Он мне о том не сказал, только разговоры и не нужны были.

— Со мной поедешь, — буркнул Сельф, отбирая три десятка лучших своих воинов.

— Поеду.

К вечеру мы добрались до городка. Он был хоть и большой, и стены крепкие его защищали. А только дышал он безнадежностью и упадком. И видно это было и в стенах облупленных, и решетках поржавевших. Я то только краем глаза отметила. Сама же чуть не валилась от усталости и холода. Трясло меня всю, голова разболелась. Мимо меня прошел и разговор княжича с местным градоправителем. И ужин, которым привечали отряд наш. А с темнотой я совсем слегла. Казалось, все тело то огнем обжигает, то ледяной водой обольют. То дрожала, сжавшись под одеялом, то металась. Да все чудилось голоса встревоженные княжича Сельфа и Велэра. Рык Бурана. И в бреду том сожалела, что не слышно Альвара. Да только мысль та в видениях тонула.

А виделась мне Крыса, да не просто пищала она в этот раз. Вокруг туман такой, как молоко, что и носа своего видно не было. И только Крысу он словно обтекал, расступался на ее дороге. А бежала она, все на меня оглядываясь. И шла я за ней уверенно ступая, нагнать старалась. Сама не заметила, как на бег перешла. И все одно догнать ее не могла. Так бежала, дороги не разбирая, что и не заметила, как туман рассеялся, а я на погосте оказалась. Деревья корявые вокруг, да холмы могил свежих и провалившихся уже.

— Зачем мы здесь? — спросила тихо, и самой голос свой оглушительно громким показался.

А она носом водит, велит смотреть. И от того, что увидела, дурно стало.

— Быть не может. — выдохнула одними губами.

На дереве, меж могил да камней надгробных детская колыбелька висела. Крыса же по стволу раскоряченного дерева черного пробежала, да в колыбель забралась. Только хвост лысый свесила. Да запищала. И почудилось, что не просто запищала, а колыбельную запела.

Я же всхлипнула, шаг сделала к ней, да остановилась.

Она же на то пискнула только. И тут до меня голос донесся, как издалека. Он меня по имени звал. Вернуться просил. И казался он знакомым, а понять кто зовет не могла. Но все ж развернулась, и к нему побежала. Только не к нему бежала, а от места того лихого.

Так и очнулась. Да только с тем и боль пришла. Тело все словно каленым железом жгли, горло болело, и дышать тяжело было.

Да так худо мне было, что не сразу и поняла, что возле меня Альвар сидит, голову свесив. Перед глазами все колыбелька детская на ветру качалась.

— Ты чего молчала, что в тяжести? — буркнул он.

Я ж всхлипнула:

— Сама не знала.

Он же кивнул сам себе, словно со своими мыслями соглашаясь. Отвар мне поднес к губам. Я пару глотков сделала и отвернулась.

— Дальше с нами не пойдешь. Тебе не о себе думать нужно. А мне на совести такого не нужно.

Я же глаза распахнула, не понимая, что говорит он.

— Живое дите. Но ты, Кристиана, если так дальше пойдет, на этом свете его не удержишь.

Я же вздохнула и расплакалась. Альвар же по голове погладил, успокоится велел и себе хуже не делать. Он с хозяйкой дома поговорит, пока поправлюсь здесь буду, а там и домой с торговым обозом вернусь. Я же только языком щелкнула на то:

— Не тебе то решать. Княжич после того как город взял меч с ножен не вынимая меня от себя не отпустит.

— Я уговорю.

— Не уговоришь. Разозлишь только. Ему до меня дела нет, а земли нужны. Я сама уйду, когда время придет.

На что он только рыкнул зло и вылетел дверью хлопнув.

Я же встать хотела, только Буран не дал. Влез в постель и лег на ноги поверх одеяла, что и не пошевелится. Хотела прикрикнуть, да он мне только глухим рыком ответил. Потому и махнула рукой, укуталась, да уснула, возле печи жаром дышащей.

— Ты что удумала? — рывкнул княжич Сельф дверь в дом чуть не вырвав.

Я на то только глазами хлопнула сонно.

— Думаешь на меня моих же воевод натравить?

— Не глупи княжич. — выступил из-за его спины Велэй. — Ей покой нужен...

— Уйди. — прорычал на то Сельф, сквозь зубы. — Уйди на пути не стой. А то и не посмотрю, что с пеленок меня пестовал.

Велэй же не отступил, а наоборот дорогу заступил меня спиной закрыв. Буран же на кровати ощерился, готовый хоть кому в горло вцепится.

— Оставь, дядька Велэй. — сказала я поднявшись на локтях. — Княжич позлится и потому будет, а ты себе сам не простишь. А ты княжич, зря молнии мечешь. Не уйду я от тебя пока. А как уйти захочу, то и просится не стану и ты меня не найдешь.

— Ты...

— Я. И ты мне сейчас слово дашь, что вместо золота и серебра, оставишь за мной право на просьбу любую.

Сельф же на то ничего не сказал, вылетел, дверью хлопнул так, что чуть с петель не

слетели.

— Ты не смотри, дочка, он молодой очень, потому и горячий.

— Что с Альваром? — прервала я его речь.

— Связать велел, да запереть и не выпускать. Пока не решит, что с ним делать.

— Дядька Велэй, пригляди, чтоб глупостей не наделал, пока с постели не встану. Он за меня просил. И не хочется мне, чтобы ему худо от того было.

Та то он кивнул только, пожелал здоровья и на ноги подняться скорее. С тем и вышел.

За неделю же я уже на ногах была, хоть и слаба. Альвара отпустили сразу же по утру, только злился он сильно на княжича. Сельф же на то и не смотрел вовсе, словно забыл, что случилось.

— Здрава будь, колдовка. — поздоровался молодой парень, подходя ближе.

— И ты будь при здоровье. Чего хочешь?

— Да спросить хотел, может тебе нужно чего? — замялся он.

Я же прищурилась. Видела его среди княжича дружины. Балагур молодой. Ливом звать. Так посмотришь, вроде и моих годов, а только чудится, будто на самом деле я уже старуха древняя. И так грустно стало. Что и вздох тяжкий сдержать не смогла. Потому отмахнулась от него.

— Не за тем пришел, чтобы мне помочь, а о своей судьбе спросить. — зло сказала я. — Так знай, никому о судьбе говорить не стану. Кому что написано, тот так и проживет.

Он же губы поджал да сказал тихо:

— Ты не сердись на меня, Кристиана, в бой идти мне еще.

— И что, если знать будешь, что голову сложишь, то меч бросишь и домой побежишь?

— Нет.

— Тогда иди и дурное в голову не бери.

Так и отрезала одним махом всех, кто хотел о судьбе своей у меня спросить. Потому как Лив о моей отповеди по всему стану раззвонил. А мне того и надо. Кому нужно и сама скажу, а как ходить начнут, только сердце рвать станут.

За теми мыслями и сидела на лавке во дворе, под солнышком зимним под лучи его холодные лицо подставляя.

— Ты не сиди на холодном, только хворь от тебя отогнали. — сказала мне хозяйка дома, в котором эти дни я и провела.

Была она уже старухой годами такими, что и счет им вести перестала. Но дряхлость ее только видимой была. Сама крепкая, даром, что уже к земле пригнуло, да при уме. И хоть и ворчала вроде злобно, а знала я, что так она заботу проявляет.

Потому встала послушно.

— Колдуну твоему я сказала, чтоб берег тебя, — продолжала она. — коль здоровых детей хотите. Ладно ты молода еще, а ему уже пора ума набраться.

Я на то только плечами пожала, не стала говорить, что не его ребенок это. Зачем, если уйду скоро? Да и не хотелось мне, чтобы думала обо мне плохо.

— Иди поешь, на столе уже стынет.

Я же идя в дом думала, как только весть о том, что понесла я расползется, все на нас с Альваром косится станут, да за спиной шептаться. И от того на душе тяжело стало. Думала, свыклась уже со злыми языками людскими. А нет...

Да только чувствовала, что не даст в обиду меня колдун.

Все и правда было так, как я сказала.

Легко давалось княжичу покорять земли. Правда и бои были, и несколько раз жестокие, в которых и денмаркийцев полегло. Да то только горячило кровь молодую. Земли завоеванные, он между воеводами делил. Хотел и мне деревню наделить, да я отказалась.

— Незачем мне. Ты мне лучше слово дай, которое я с тебя требовала.

Княжич же в тот раз артачиться не стал. Сказал, что отпустит, как только сама того захочу и просьбу любую мою выполнит, если то в его силе будет. Правда, не только мои заслуги тому были причиной. В стане таки уже в голос говорили, что колдовка с колдуном сошлась. Ребенка его под сердцем носит.

— Что ж ты, колдовка, на Вельвену волком смотрела, а сама... — сказал как-то Ольвен. — Или думала, не прознают о том, что милуешься с Альваром своим. Вон как с тобой носится.

Я на то только плечами пожала. Пусть думает что хочет.

Альвар же берег меня и вправду, как хрустальную. После той моей болезни, велел одну телегу для меня освободить накидали на нее соломы, да меховых шкур. А рядом Буран лежал часто. И спать колдун всегда рядом ложился, крепко обнимая, чтоб не замерзла. Я и не противилась вовсе. Поняла как-то, что хорошо мне подле него, спокойно. Ловила себя на том, что прижимаюсь к нему все крепче, обнять хочу, а то и поцеловать. Разгладить хмурые складки на суровом лице...

— Ты скажи Альвар, — заговорила я с ним, когда никто не слышал. — как стало, что дара лишился?

Он молчал долго, да сопел злобно в самое ухо.

— Бабы всему виной, — встал и ушел.

Той ночью холодно спать было, словно мороз, почуяв, что защитить меня некому, старался больнее ужалить. И не помогали ни шкуры, ни теплый волчий бок. Потому когда Альвар назад вернулся, прижалась к нему всем телом, голову на груди уложила и уснула, чувствуя себя как за стеной каменной.

О Лидко я думать себе запретила. И если первый месяц он мне чуть не каждую ночь мерещился и тоска брала такая, что с Бураном выть бы. То со временем притупилась она. А через три месяца и вовсе только отголоски остались.

По весне княжич людям отдых решил дать не большой. Больше потому, что донесли — князь Алларийский таки решил завернуть войско, чтобы с земли прогнать своей щенка денмаркийского. На то я княжичу сказала, чтобы не переживал напрасно. Ему отец уже подмогу направил. И придет она раньше, чем успеет алларийское войско сюда дойти.

Княжич от слов моих успокоился, велел лагерем становится и ждать.

В середине весны случилось то, чего я и не ждала.

А случилось так, что в ночь самой полной луны, меня колдун разбудил и велел за ним идти. Я не сразу и поняла, что ему в голову взбрело, и подумала, что княжич зовет. Да не так то было.

Шли мы долго, пока лес нас от всего мира сплошной темной стеной не отгородил. Да так темно было, что если бы не луна, в кронах запутавшаяся, то подумала бы, что ослепла

вовсе.

Когда же довольно далеко зашли, он встал, ко мне лицом повернулся, и показалось мне, что глаза его золотые светом мягким засветились. Он меня по кругу обошел, что-то говорил на незнакомом языке, и от голоса его мне как в голове помутилось. Потому и не заметила, как косу расплел, по спине волосы расправил, все так же напевая слова незнакомые, как разул меня, усаживая на землю, да раздел в одной рубашке оставив. Сам по пояс разделся.

Голова кругом шла, а язык, словно распух, да шевелиться перестал. Да только когда браслеты мои щелкнули, да на землю свалились, трепыхнулась слабо, на то он мне только руку на плечо положил, распевая песню свою. Потом умолк резко и к губам моим потянулся, впился поцелуем. Я же ни оттолкнуть его не могла, ни отстраниться. Да и не хотела. Ответила. К нему подалась. Обнять хотела.

— Тихо ты. Нельзя сейчас.

Я же мутным взглядом на него посмотрела, на сердце зашедшееся в бешеном беге шикнула, силясь понять что и зачем делает. Как луна нас осветила, и снова мне свет показался в его глазах. И с тем на месте где браслеты мои брачные были, как огнем ожгло. Я зашипела, дернулась, да удержал он меня за руки. Я же взгляд опустила и охнула. На мне браслеты были. Да не обычные, которые каждые муж жене одевает, а словно кто золотой нитью прямо по коже узоры вышил. И когда такие же, только серебряной нитью шитые, на его запястьях увидела, то и вовсе дышать забыла.

Странно как. Обычно только жене браслеты одевали, чтобы знали, что мужу принадлежит. Потому нахмурилась.

— Не хмурься. Теперь мы перед богами муж и жена.

— Зачем?

Он же улыбнулся, а в глазах лукавый блеск появился.

— Что ж я сына без отца оставить по-твоему должен?

Я на то только носом хлюпнула, чувствуя как в глазах слезы собираются. Что-то сказать хотела, да разревелась.

— Тише ты, — сказал колдун, обняв, да на плече своем голову мою устроив. — Не захочешь со мной остаться держать не стану, — а потом тихо добавил. — Знаю, что колдовку никто удержать не сможет, если уйти захочет.

Я же только всхлипнула, да прижалась сильнее.

— Не захочу уходить, если даже гнать станешь.

К вечеру другого дня уже весь стан праздновал свадьбу колдуна Альвара да колдовки Кристианы. Пили за здоровье наше все. Княжич так упился, что едва смог в шатер свой попасть и то только благодаря тому, Велэй его туда уводил.

Мы же едва стемнело ушли, под шуточки и хохот. Мне бы смутится, да такой счастливой себя чувствовала, что только улыбалась, глядя на своего мужа.

А когда в наш шатер зашли, то вовсе дышать перестала. Он же обнял меня, поцеловал так, что земля из-под ног ушла. Я в его плечи вцепилась, боясь на ногах не устоять. Задышала часто, рванула ворот на нем так, что ткань треснула да поползла.

— Колдовка, она колдовка и есть, — рассмеялся незлобно мой муж, с моего плеча рубаху стягивая да целуя часто и жадно.

— Сам колдун. Никак заколдовал меня, — огрызнулась я.

— Это еще кто кого.

И снова целовал так, что ни говорить, ни дышать не хотелось.

Когда же на ложе шкурами застеленное меня уложил, и вовсе потерялась. Любила с ним, всю себя отдавала. Вскрикивала от его прикосновений, в плечи зубами впивалась. Когда же мир красками взорвался, и вовсе дугой выгнулась, крик не сдержала. Он же зарычал глухо, замер ненадолго. А потом стал мелкими поцелуями лицо и плечи покрывать. Лег рядом прижал к себе.

— Соврал я тебе Кристиана, — сказал тихо.

Я же напряглась, ожидая о чем речь дальше поведет.

— Не отпущу тебя, как бы не хотела уйти.

Я же улыбнулась в темноте.

— Ты меня Крысой называй, так все меня раньше звали. Нечего язык ломать.

Он же хмыкнул.

— Лучше Тианой звать стану.

Глава 9

Так мы и прожили еще два месяца. У меня уже и живот видно стало. Княжич подмоги дождался, да теперь к бою готовился с алларийским войском. Я же себе места не находила. Грызло меня что-то, а что понять не могла. Может то, что таки не послушал меня Ольвен, да тайком с Вельвеной сбегали в лес, подальше от глаз. И знала я что добегаются. Ей то с рук сойдет, а его погонит княжич, да так больше к себе не подпустит. Может что другое. Да только металась я, не зная как о том сказать и что с тем делать.

А ответ пришел в конце первого летнего месяца.

Было то уже вечером. Мы тогда в городе Вешене станом стояли. Нам с мужем дом отдали, хозяева к родным ушли, чтоб нас не стеснять. Мне же тогда душно было, жарко.

— Что с тобой? — забеспокоился Альвар.

— Да так. Неладно что-то, а сама не пойму что.

Он же меч отложил, что чистил, посмотрел на меня пристально.

— Откуда чувствуешь?

Я же глаза закрыла, силясь понять, что и где чую, да только руками развела.

— Не пойму.

— Сходи проветрись может? То быть может из-за того, что в тяжести ты?

— Может, — я с тем из дома вышла да по улицам пошла тихо ступая. Так прошла мимо часовых у ворот, по стану прошла, да и стала, как вкопанная.

Сперва, глазам не поверила, а когда убедилась, что не наваждение это, руки к груди прижала да бросилась к связанному избитому мужчине, разревелась. Он молчал, сперва стараясь понять, не мерещусь ли я ему.

— Что колдовка, может знаешь его? — спросил нахмурившись Велэй.

— Знаю, — сказала слезу смахивая. — Вэйко это. Мы росли вместе.

— Вот значит как? — сказал княжич задумчиво. — Идем, расскажешь все.

Я же спиной чувствовала злой взгляд Вэйко, но пошла, не оборачиваясь. Чувство дурное о нем было. Видела, что княжич его судьбу решил уже, да только позволить этому стать не могла.

— Отпусти его княжич Сельф, — попросила, когда он вопросы задавать закончил, а я уже почти всю свою жизнь рассказала. — От его гибели тебе толку не будет, а отпустишь — и вреда не станет.

— Ты как себе это представляешь, Кристиана? С чего мне отпускать его? Да и можешь ты мне, что хочешь говорить сейчас, а все равно знаю, что совершь. Он к князю своему побежит, да расскажет все, что видел. А мне того не нужно.

Я губу закусила, думая о том, как княжича уговорить.

— Ни разу я тебе Сельф не соврала, ни разу не обманула. Все как есть говорила. Да раз не веришь мне, вспомни, что слово давал одну мою просьбу выполнить. Так прошу я тебя, чтобы отпустил моего друга.

Княжич лицом побагровел и глазами зыркнул так, что показалось мне, броситься на меня. Потом же улыбнулся широко и спросил:

— А Альвар то твой знает, как ты тут незнамо кого грудью защищаешь?

— Он поймет, — сказала, а сама подумала, что может и не так это.

— Вот и проверим. Пойдешь к мужу, скажешь, о чем меня просила. И если он за дружка твоего попросит, то отпущу.

Я не знала, как мужу говорить и что. Чувствовала, что злиться будет. Так и случилось. Едва заикнулась, как он побелел весь кричать начал.

— Не стану за твоих полубовников вступаться, — рявкнул он.

Да вылетел, дверью хлопнув. У меня же сердце оборвалось. Глаза слезами заволгло. И так больно стало, что и дышать не могла, только подвывала тихонько.

Так я просидела на лавке, пока сереть не начало. Потом нож взяла, переплела косу под платок спрятавши, в сумку хлеба бросила, соли да крупы мешочек. С тем вышла и пошла в стан.

Часовых возле Вэйко не ставили, скрутили только знатно, не пошевелится даже.

— Крыска, — простонал он, меня завидев.

— Тихо ты, — цыкнула я на него, присела веревки разрезала. — Идем.

Так и вывела его. Когда мимо часовых проходили, зубы им заговаривала, чтобы Вэйко прошмыгнуть мог, а потом сказала, что за травами иду. Другие просто на посту спали. Разленились, зная, если что колдовка княжичева упредить успеет.

— Как так случилось, Крыска, что ты так от дома далеко, да еще и в тяжести? — спросил меня Вэйко, когда мы уже довольно далеко в лес зашли.

— Сталось, Вэйко. Сталось.

А сама слез сдержат не могу. Иду и давлюсь ими, словно захлебываюсь.

— Ты чего это, Крыска? — спросил меня.

Я же проревевшись рассказала, что уходила из дома, сама не зная, что в стане воинском свою любовь и судьбу найду.

— Значит, во вражеского колдуна влюбилась... — задумчиво сказал Вэйко. — И чего ж со мной пошла?

— Княжич слова не сдержал, которое мне обещал. Такого терпеть не стану больше.

— А колдун твой?

На то я промолчала только.

— Ладно колдун, как же так ты от Лидко отказалась? Говорила же что любишь.

— Так и любила. Да что любовь, если не судьба ему со мной быть. Знаю, что вернется когда, месяц второй погорюет и снова женится. И все у него хорошо будет. А если бы вернулась, и себя и меня извел бы. Собственного ребенка возненавидел.

— Так что ж это Лидков ребенок? — округлил он глаза. — Ну знаешь, колдовкой ты там стала или кем, а посмотрю на тебя... Дура ты.

Я на то только кивнула.

— Может и дура, да от своего решения не отступлюсь. Уйду туда где ни княжичей, ни колдунов нет.

— Как знаешь, Крыска. — сказал он, задумчиво на меня глядя — Как знаешь.

А потом добавил, все так же меня разглядывая.

— Злитесь вроде на тебя должен, а мне тебя только жалко.

Так мы до самого вечера и шли, а когда на ночлег ставать стало пора, я ему головой махнула, чтобы дальше шел, а меня здесь оставил.

— Пойдем со мной, Крыска, я тебя обиду никому не дам.

— Не дашь. Да только не хочу я больше к людям.

— Тогда с тобой останусь.

Я же снова головой мотнула.

— Не нужно это. Тебе все равно дать того чего ждешь от меня не смогу. Только мучиться подле меня будешь. А так. И в службе тебе возвыситься удастся, и жену себе возьмешь не простую. Иди Вэйко.

Он же меня обнял порывисто и, помявшись еще немного, ушел в темноту.

Я же села на землю. Где стояла, да застыла, желая камнем стать, чтобы той боли в душе не чувствовать. Хотелось назад броситься, к груди мужа припасть, прощения просить. Пусть и не виновата.

Так и сидела, пока не то уснула, не то бредить начала.

— Что пищишь недовольно? — спросила я у явившейся Крысы.

Она же на задние лапы передо мной встала, да в глаза заглядывает.

— Не вернусь я.

Крыса же опять на четыре лапы опустилась, пропищала, словно рассмеялась. И показался мне в лунном свете на ней золотой узор, как на моих запястьях.

— Что ты тем сказать хочешь? — не выдержала я ее взгляда. — Он меня чуть не волочайкой назвал. Как простить такое?

— Знаю, что простить сложно, — услышала я голос Альвара.

Глаза подняла резко и увидела, как подходит ко мне, на землю ветки бросает. Как Буран, весь серебристой сеткой расшитый рядом с Крысой ложится. А она на его бок забралась, да растянулась от меха густого чихая. Я онемела.

— Снится мне это?

— Не снится, Тиана, — сказал муж мой, опуская рядом со мной, да не касаясь. — Ты можешь злиться, да послушай меня сначала.

— Что ты мне нового сказать можешь?

— А ты послушай, а потом уже решай. — и он начал говорить, не дожидаясь моего ответа, будто боялся, что уйду, не стану слушать его. — Мать родила меня в зиму Года Янтарного Волка...

А я... Я слушала. Слушала и думала о том, что не зря боги нас вместе свели. И что теперь уж точно ни боги, ни люди нас порознь быть не заставят. А кто посмеет тронуть колдуна и колдовку-то?

— Семья моя, Тиана, на границе с Алларией в Таххарии жила. Там колдунам почет особый, потому, когда дар мой проснулся, родители счастливые были, со мной носились. А когда мне десять исполнилось, в ученики одному колдуну отдали. К семнадцати годам я уже по силе с учителем сравнялся, а к двадцати и его далеко позади оставил. Да случилось мне Тиана, влюбиться... — он сглотнул, а я его за руку взяла. — Рэвена хороша была, чем то на Вельвену похожа. И тоже колдовка сильная.

Я же подумала, что если на Вельвену похожа, то ничего хорошего в ней и не было, но перебивать не стала.

— Я за ней как собака привязанная ходил. Все в глаза заглядывал. А когда на признание мое ответила добром, готов был хоть звезды с неба достать. Да только ей не звезды нужны были. Так она до царевича молодого добратся хотела. Я с ним дружбу водил тогда. Не раз в бою бывали вместе, друг другу спину прикрывали. Карист хоть колдуном и не был, а воином знатным. Он меня по плечу хлопал, когда я Рэвене в след вздыхал. А потом их в одной постели застал. А я ж, Тиана, уже браслеты выбирал. Так озлился, что и не помню, что

дальше сделал. Только потом, перед царем стоя узнал, что одним заклятьем убил его на месте. За то меня казнить хотели. Да учитель заступился и меня только дара колдовского лишили и из страны погнали. Я же думал, что лучше бы голову сняли. Все смерти искал, под любые знамена вставал. Да не везло. Когда тебя увидел в княжича шатре... озлился очень, не на тебя, а на себя, потому, как понял, что не устою перед твоей колдовской красотой. Боролся с собой, а потом решился. Да только когда ты пришла просить за друга своего, испугался очень. Показалось, что потеряю тебя, вот и вызверился. Ты можешь не прощать меня, да только не гони.

Я же на то сопела, носом в плечо его уткнувшись. Он меня по голове погладил, вздохнул.

— Ты бы ей хоть имя дала, Тиана.

— Кому? — спросила я, заглядывая ему в глаза.

— Крысе своей. Она бедная все за тобой носится, а ты ей ни слова доброго, ни сухаря. Я бы обиделся уже.

Я же на то улыбнулась широко.

— Пусть Крысой и будет.

Эпилог

— Назовешь то его как? Сорок дней прошло, пора уже. — спросил меня муж, наклоняясь над спящим малышом.

— Ты отец, тебе и имя давать.

— Дайко будет. — сказал немного подумав.

— Хорошее имя. — улыбнулась на то.

Я качнула колыбельку с малышом. Еще и сама не верила, что закончилось все. И муки родовые и потуги и страх. Дите Альвар сам принимал. Да если бы и хотел иначе, то где здесь людей взять. Муж мой меня слушал. И жили мы теперь в лесу так далеко, что и человеческая нога не ступала. Маленький домик построил к концу лета, место для грядок разбил. Родник расчистил. А в середине первого месяца осени Года Белого Дракона я родила сына.

— Идем, спит уже. — сказал, меня за руку беря.

Вышли из дома. На солнце лежали Буран с Крысой. Меня увидела плутовка, подскочила, по ноге на плечо взобралась, я же хмыкнула на то, сухарь из кармана вынимая. Она же цапнула и опять сбежала.

— Знаешь, что теперь твой дар еще сильнее станет? — спросил Альвар.

— Знаю.

С тех пор, как мы вдали от людей оказались, он меня учить всему взялся. Обрядам старинным и заклетьям, заговорам. И если обряды он и так проводить мог, то для остального сила колдовская нужна была. Потому и заговаривала я дом от плесени, от злых духов, от пожара. Сама заговаривала.

— Садись, — потянул он меня на бревно, что под домом лежало. — Закрой глаза. Представь, где бы оказаться хотела, и меня вместе с собой представь.

Я послушалась. Представила дом, где мать с Дайко живут. Мать увидела, возле печи с рогачом, Дайко конька вырезающий на лавке сидит. Малько тоже что-то мастерить пытается. Даже улыбнулась, увидев лица родные. Грустно стало. Так обнять захотелось, к матери прижаться.

— А теперь силу отпусти, да потяни нас туда.

Сделала и это, и очутились мы посреди дома Дайкового. Мать от неожиданности и рогач выпустила и сама на лавку села, Дайко же так и замер на месте. Только Малько не растерялся, бросился ко мне обниматься:

— Крыска, — кричит. — Вернулась.

— Тихо ты. О том никто знать не должен.

Альвар же к Дайко подошел, поздоровался, руку пожал. А я все на мать смотрела. Постарела, поседела, осунулась. А у самой слезы на глазах.

— В могилу меня сведешь, Крыска, — сказала тихо.

Я же разрыдалась, бросилась к ней, обняла крепко.

— Как же я скучала по вам, — а помолчав немного сказала. — Ты ж бабкой уже стала, — а сама встrepенулась, к Альвару поворачиваясь.

— Крыса с Бураном приглядят.

Я улыбнулась.

— Это муж мой, мам, Альвар.

— Тоже колдун?

— Колдун.

Благо не стала спрашивать, как так случилось, что скоро Лидко забыла. Да и вообще ни о чем спрашивать не стала. Только...

— Внука хоть как назвали?

— Дайко назвали, — и к отцу развернулась. — Пусть таким же хорошим растет, как и дед его.

Мы еще немного поговорили, я больше спрашивала, чем рассказывала. И пообещала, что в следующий раз маленького Дайко с собой возьмем.

Очнулась я на том же месте, где сидели с Альваром, будто приснилось все. Я даже на него глянула, словно спросила, было ли? Он кивнул.

— И мы теперь так всегда сможем? — спросила, еще не веря до конца, в то что случилось.

— Сможем.

— И куда угодно?

Он кивнул.

— А как...

— Потом, — улыбнулся мой муж. — Все потом. У нас вся жизнь впереди, Кристиана.

Я же улыбнулась, глаза прикрыв. Потом встрепенулась.

— Что не так?

— Так все. Сговорились, наконец. Князь Термар за Сельфа дочь свою отдает.

О том я беспокоилась сильно. Хоть и ушла злая, а все ж беспокоила меня судьба его. Когда алларийские войска к западу подтянулись и бои кровавые были. Все не спала, в темноту вглядываясь. В одном таком Велэя ранили. А Ольвена таки прогнал княжич, с девкой своей поймавши. И спустя еще два месяца вызвал таки князь наш Сельфа сговорится. И долго то было. Ни тот ни другой уступать не хотел. Все ни с чем расходились и снова в бой шли. Да видно устали уже оба от того. И войска их поредевшие устали. Потому и подписали мир. А чтоб крепким был, браком скрепить решили.

— Ну и ладно, — сказал Альвар, меня за плечи обнимая. — Все теперь хорошо будет.

Я же верила ему. А как по-другому?

Больше книг на сайте - Knigolub.net